

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**ИДЕАЛЬНЫЙ
МАНЬЯК**

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Идеальный маньяк (сборник)
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6567535

Алексей Макеев, Николай Леонов. Идеальный маньяк : Эксмо; Москва;

2014

ISBN 978-5-699-69047-3

Аннотация

Полковникам Гурову и Крячко поручают дело об убийстве молодой женщины, тело которой было найдено в парке недалеко от фитнес-клуба «Идеал». Сыщики начинают расследование и очень скоро выясняют, что в этом же парке полгода назад было совершено еще два нападения на женщин, причем обе жертвы были клиентками «Идеала». Очевидно, что в районе орудует серийный маньяк. Под подозрение в первую очередь попадают работники и посетители фитнес-клуба, но главными подозреваемыми становятся хозяйка спортивного центра Эмма Гришаева и ее любовник Борис Полищук, которые явно что-то скрывают и вообще ведут себя очень странно...

Содержание

Идеальный маньяк	4
Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	54
Глава 4	86
Глава 5	126
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Алексей Макеев, Николай Леонов Идеальный маньяк (сборник)

Идеальный маньяк

Глава 1

Осень пришла в Москву... Пришла неожиданно, резко, со всеми сопутствующими ей особенностями: пронизывающим ветром, холодом, дождем, растекающимися ручьями, большими лужами и грязью. Осень пришла пару недель назад, в конце октября, не дав толком насладиться ни последними короткими деньками бабьего лета, ни красно-желтым периодом, именуемым почему-то «золотым», ни листопадом... Словно скрыла все хорошее, что в ней имелось, запрятала глубоко, взамен подсунув слякоть, сырость и унылое настроение. Казалось, все приятное и светлое ушло безвозвратно, создавалось ощущение какой-то безысходности, которое особенно усиливалось при взгляде в окно.

Полковник Станислав Крячко иной раз днем в него и по-сматривал в тайной надежде обнаружить хоть лучик света сквозь затянутое серо-фиолетовыми тучами небо, ощутить частичку тепла. Ему было откровенно скучно, грустно и вообще муторно на душе. Отчего? Да от всего! И оттого, что погода не радовала; и оттого, что сын снова валял дурака перед сессией, вместо того чтобы готовиться к экзаменам, и ему в очередной раз маячила перспектива вылета из института и отправка в армию; и оттого, что по этой причине Станислав опять поругался с женой, которая не преминула ему напомнить, каким шалопаем он сам был в период юности. Крячко упорно не желал напрягать память и вызывать в ней неприятные воспоминания, как и соглашаться с женой, что подобное времяпрепровождение можно считать нормальным для молодого человека. А больше всего раздражало то, что сынок на все замечания и предостережения Станислава лишь отмахивался и даже посмеивался, отделяваясь беспечной фразой «Да все нормально, па!». Подобное легкомыслие злило Крячко больше всего, и он, про себя посылая свое семейство куда подальше, не мог дожидаться момента, чтобы поехать на работу.

Последнее время он выходил из дома за два часа до начала рабочего дня, приходил в холодный кабинет еще затемно, садился за стол и... обнаруживал, что и здесь ему особо нечем заняться, к тому же все раздражает. И сегодняшней день не стал исключением – дождь лил, отопление не

включили, и Станислав первым делом врубил обогреватель на полную катушку и повесил мокрую, потемневшую от воды куртку прямо на него, хотя их с Гуровым непосредственный начальник и давний друг генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов запрещал подобные манипуляции строго-на-строго, не раз предупреждая, что это может окончиться пожаром. Но Крячко, который и так-то привык игнорировать многие замечания и пожелания Орлова, сегодня, сердитый на весь белый свет, и вовсе не думал к ним прислушиваться.

В кабинете было сумрачно, но Станислав не стал зажигать свет. Вместо этого он включил радиоприемник, настроив его на любимую волну, и сделал звук умеренным. Затем придвинул стул, сел и, сняв ботинки, вытянул ноги поближе к обогревателю. Кабинет довольно быстро прогрелся, влажные носки тоже стали подсыхать, по телу начала разливаться приятная теплота.

«Осень пришла в Москву... Дождь придавил листву...» — сообщал приемник лирическим голосом Александра Иванова.

Меланхоличная песня лилась, убаюкивала, Станислав прикрыл глаза, слегка покачивая ногой в такт, и подумал, что в жизни есть и приятные моменты...

Музыка становилась тише, глуше, она убаюкивала. Картинка, нарисованная его воображением, становилась все реальнее и отчетливее. Он даже ощутил запах угольков от печки и завозился, пытаясь натянуть на себя брошенный на

спинке кресла форменный пиджак и представляя, что это домашний плед.

«Осень пришла в Москву...» – тихо мурлыкал у него в голове привязавшийся мотивчик.

– Сюда! Сюда! Живо! – Резкий окрик, раздавшийся словно прямо над ухом, оглушил Крячко, вырвал его из теплой сказки в самый неподходящий момент, своим бесцеремонным вторжением нарушив всю гармонию с миром, которую полковник было обрел. А следом раздался оглушительный грохот.

Крячко, ничего не понимая, вскочил и ошалело заметался по кабинету. Не до конца проснувшись, он с трудом ориентировался в привычном месте. Потом понял, что ориентироваться мешает не столько его сонное состояние, сколько густой дым, заполнивший пространство. Дым валил откуда-то из центра кабинета, распространяя вместе с клубами едкий запах гари, от которого щипало глаза. Остановившись, Крячко понял, что это горят вовсе не дровишки из его сна, а его куртка, столь опрометчиво оставленная на обогревателе.

Крячко одним прыжком достиг обогревателя, сдернул куртку, бросил на пол и, схватив с полу ботинки, принялся ими по ней колотить. Затем, обмотав руку первой попавшейся тряпкой, схватил шнур обогревателя и выдернул его из розетки. Одновременно с этим распахнулась дверь кабинета, которую он запер изнутри, дабы никто не мешал ему це-

лый час наслаждаться одиночеством, и в кабинет ввалились несколько человек.

– Выключатель лучше не трогать, – послышался голос, и следом яркий луч ударил Станиславу в лицо, отчего Крячко невольно заслонил глаза рукой.

Стоя в центре комнаты, он ошарашенно взирал на людей в форме пожарных, один из которых светил ему прямо в лицо фонариком. За спинами пожарных робко выглядывал дежурный, сержант Костя Летицкий. Крячко, уже успевший сообразить, что из-за своего легкомыслия устроил пожар в кабинете и это явилось поводом для вызова пожарных, теперь, устранив все последствия, стремительно обретал уверенность. Огромный опыт и полковничьи погоны приучили его не теряться ни при каких обстоятельствах, быстро брать себя руки.

– Так, что тут происходит? – начальственным голосом рыкнул он, вращая глазами. – Что за переполох? Дежурный!

– Так это... Пожар, товарищ полковник, – подал голос Костя. – Я запах почуял, потом дымок потянулся, я сюда и побежал. Стучал в дверь, звал, а никто не открывал. Я подумал, с вами случилось что-то, пожарную команду вызвал...

– Ты бы еще бабушку свою вызвал! – рявкнул Крячко, крайне недовольный действиями дежурного.

Эти действия, по сути правильные и своевременные, привели к тому, что Крячко сейчас оконфузился. Он нарушил запрет начальства и явился виновником пожара, о возмож-

ности которого его предупреждали. Да даже и без этих предупреждений от своей вины никуда не денешься.

– Так что, ложный вызов? – хмуро спросил один из пожарных, стоявший первым и державший наготове брандспойт.

– Огнетушителем обработать на всякий случай? – предложил еще один, вскидывая баллон, но Крячко мгновенно пресек его намерения.

– Никакого огнетушителя! – категорично заявил он. – Как и никакого ложного вызова! Пожар устранен собственными силами, а вам, господа пожарные, огромное спасибо за оперативность. Вы сработали четко и профессионально. Разрешите лично позвать каждому из вас руку и поблагодарить от имени всего УВД!

И Крячко, подойдя к каждому из пожарных, с достоинством пожал их руки в рабочих перчатках. Те встретили рукопожатие сдержанно, и причины этого Станиславу были понятны. Как бы он ни разыгрывал начальственную роль и ни заговаривал им зубы, эти ребята не вчера родились и провести их было сложно. Но все-таки можно...

Крячко уже окинул беглым взглядом кабинет и отметил, что ущерб нанесен не такой уж большой. Разве что некрасивое пятно на покрытом ламинатом полу – причем покрытом совсем недавно, на средства, которые Орлов выделил на ремонт их кабинета из кассы. Собственно, больше всего пострадала куртка Крячко, которую он еще толком не осматривал и просто мял в руках. Но как ни крути, а вызов пожарных

проигнорировать не удастся. Эти огневики точно потребуют возместить их затраты на дорогу...

«Одни бабки у всех на уме!» – с раздражением подумал Крячко.

Платить не хотелось. И Крячко мучительно выискивал в голове выход из неприятной ситуации. Пытаться сейчас свалить пожар на нелепую случайность было бессмысленно – пожарных не волновали причины. Еще меньше хотелось валить все на ни в чем не повинного молоденького дежурного и делать его козлом отпущения. Это было бы недостойным поступком, и полковник Крячко никогда не прибегал к подобным методам. Нужно было выкручиваться самому.

«Включать дурачка» Крячко умел виртуозно, при этом обладая крепким практическим умом и хитринкой. Вот и сейчас он смекнул, что нужно на ходу умело изобразить наивность, но не переиграть и не перегнуть палку.

– Ребята, раз уж вы приехали, то, может быть, проверите состояние пожарной безопасности в нашем учреждении? – самым искренним тоном попросил он. – Вы же все равно делаете это регулярно.

Пожарные переглянулись. Дежурный Костя Летицкий в первую секунду даже рот раскрыл, обомлев от крячковой наглости, но Станислав незаметно показал ему кулак, после чего так же незаметно подмигнул, и Костя решил не высываться. Связываться с начальством себе дороже, подумал он.

– Так только в прошлом месяце же проверяли, – заметил

один из пожарных. – Срок еще не подошел.

– Ну так что с того? – мгновенно подхватил Крячко, после чего назидательно поднял указательный палец: – В этом деле, ребята, как говорится, лучше перебдеть, чем недобдеть! Понимаете, ведь это вот хорошо, что сегодняшней... м-м-м... эпизод завершился столь удачно благодаря тому, что я вовремя среагировал! А ведь могло быть и по-другому! Нам нужно радоваться, что сегодня удалось избежать пожара. У нас же с вами общие интересы, и они заключаются даже не в том, чтобы потушить пожар – что, безусловно, похвально, – а в чем?

Крячко смерил пожарных многозначительным взглядом и тут же сам ответил:

– Правильно! В том, чтобы его пре-дот-вра-тить! Что и было сегодня с успехом сделано совместными усилиями! И это еще раз доказывает высокий профессионализм – как ваш, так и сотрудников УВД, – добавил он, из скромности не конкретизируя, кто именно. – Так вот, всегда лучше проявить инициативу и заранее принять меры безопасности! Как говорят врачи, легче не лечить заболевание, а предупредить его. И хотя проводка в кабинете у нас недавно была заменена, – поспешно продолжил Крячко, видя, что один из пожарных собирается напомнить ему об этом, – никогда не лишне позаботиться и все еще раз проверить! Уверен, что вы тоже, как и я, и прочие сотрудники УВД, только за усиление мер пожарной безопасности!

Сделав такой ловкий психологический маневр, Крячко наконец умолк и выжидающе уставился на пожарную команду. Огнеборцы, конечно, в душе понимали, что их банально попытались взять на «слабо», но возражать против усиления мер пожарной безопасности не решились.

– Ладно, господин полковник, – усмехнувшись, произнес тот, что стоял первым, снимая с головы шлем. – Показывайте, где тут у вас все пожароопасные места.

Крячко с готовностью закивал, но что-то в облике пожарного его смутило: то ли тон его, несколько снисходительный, то ли вид, но этого было достаточно, чтобы полковник, поспешивший было к дверям, остановился и пристально всмотрелся в лицо пожарного.

– Сашка! – вдруг не очень уверенно воскликнул он. – Сашка! Агафонов! – радостно заорал Крячко уже во весь голос.

– Ну да, – улыбнулся тот. – Он самый.

– Тьфу ты, мать честная, а я тебя сразу и не узнал! – хлопнул себя по лбу Крячко.

– Ну где ж тебе меня в шлеме-то узнать. А я тебя узнал сразу. Ты, надо сказать, почти не изменился.

– Да ладно, скажешь тоже! – махнул рукой Крячко. – Сколько лет-то прошло с тех пор, как мы в школе милиции учились?

– Лет тридцать, пожалуй, – почесал голову Агафонов.

– А ты же потом тоже в мент... в милиции служил, вер-

но? – наморщил лоб Станислав.

– Да, десять лет отработал. А затем вот в пожарные подался. С детства тянула меня всегда эта профессия. Но пошел служить в милицию, и вдруг судьба все-таки повернулась так, что уже десять лет с огнем играю, – пошутил Агафонов.

– Отлично, отлично! – одобрительно проговорил Крячко, подмигивая давнему приятелю. – Мечты, значит, не только в «Газпроме» сбываются, а?

– Не только, – согласился Агафонов.

– Конечно, а то бы совсем несправедливо было! Почему одним все, а другим ничего? Мечты должны сбываться! Особенно детские! Слушай... – Крячко покосился на напарников Агафопова, потом перевел взгляд на дежурного, мгновенно принял решение и распорядился:

– Так, Костя. Ну ты веди ребят, показывай, что у нас и как. Хотя вы же не в первый раз у нас, должны ориентироваться?

– Да уж не беспокойтесь, сориентируемся, – заметил один из пожарных, вопросительно глядя на Агафопова.

– Ступайте, ребята. Я тут задержусь немного. Видите, старого друга встретил.

– Еще какого друга! – поднял палец Крячко. – Помнишь, как мы с тобой на практике патрулировали? Порядок на улицах обеспечивали, а? И ведь обеспечивали же! Был он тогда, порядок-то, несмотря на то, что мы с тобой зелеными сержантами были, вот не хуже Кости...

Костя Летицкий, покраснев, что-то пробормотал себе под нос.

– Что говоришь, Костя? – ласково окликнул его Крячко.

– Я говорю – служу России, товарищ полковник, – не обобщаясь, отозвался Летицкий и вместе с пожарными вышел в дверь.

– Вишь, обижается! – кивнул ему вслед Крячко. – А нечего обижаться, все мы когда-то салагами были. Приходилось и в дождь-мороз на посту стоять, и под солнцепеком с автоматами бегать, и у начальства на побегушках быть... Да много чего приходилось! А в двадцать с небольшим стыдиться сержантского звания – значит никогда не заслужить генеральского!

Все это Крячко говорил вроде бы сам себе, как бы делясь с Агафоновым, но при этом достаточно громко, так, чтобы при умышленно незакрытой им двери его мог слышать и Костя Летицкий. Едва же вся компания удалилась из зоны слышимости, Крячко тут же закрыл дверь кабинета и произнес заговорщицки:

– Слушай, такую встречу нельзя пропустить! У тебя вообще как со временем?

– Да я вообще-то на службе, – заметил Агафонов.

– Так и я на службе! – хохотнул Крячко. – Я, брат, на этой службе уже третий десяток лет нахожусь! И могу тебе со всей ответственностью опытного ветерана заявить, что ничего с этой службой не случится оттого, что она денек обойдется

без нас...

– Ну не знаю... – с сомнением протянул Агафонов. – А если срочный вызов? Меня старшим группы назначили.

– Молодец! – тут же отреагировал Крячко. – Значит, можешь сам распоряжаться своим временем!

– У нас работа другая, – улыбнулся тот. – Не кабинетная, как у тебя. – Он обвел взглядом помещение.

– Ха! А ты думаешь, я тут целыми днями штаны протираю! – возмутился Станислав. – Да если бы ты знал, сколько мне приходится ноги бить! Работа со свидетелями, оперативно-розыскные мероприятия, погони, драки... – принял-ся загибать он пальцы. – А мне, между прочим, уже не двадцать лет. И даже не тридцать. Хотя, откровенно тебе скажу, меня не так убивает вся эта беготня, как бумажная волокита и разные бюрократические заморочки. Планерки, например, ежедневные, которых я терпеть не могу. Кстати... – Крячко бросил взгляд на часы и поспешно сказал:

– Вот сейчас как раз очередная должна начаться! Слушай, Саша, я, пожалуй, с тобой поеду! В порядке, так сказать, набора опыта, расширения кругозора и повышения квалификации!

Агафонов усмехнулся, лукаво посмотрев на Крячко.

– Что, чует кошка, чье мясо съела, да? – улыбнулся он.

– Ты о чем это? – притворно нахмурился Крячко. – Просто у меня здесь сегодня все равно срочных дел нет. А мы могли бы с тобой пораньше с твоей службы уйти. Если что,

я тебя отпрошу. В помощь следственным органам, – пообещал он.

Агафонов подмигнул ему в ответ, после чего протянул широкую ладонь и шепнул:

– Заметано!

Когда они шли по коридору, навстречу им своей легкой, пружинящей походкой шел полковник Лев Гуров.

– Лева, привет! – широко улыбнулся Крячко, протягивая ему руку.

– Привет, – Гуров торопливо пожал ее. – Слушай, Станислав, что тут у нас происходит? Почему пожарных целая толпа?

– Да ерунда, – беспечно произнес Крячко. – Так, ложная тревога. А пожарные просто проверяют технику безопасности... А это мой давний приятель Саша Агафонов, он их возглавляет. Знакомьтесь! Саша, а это вот Лев Иванович Гуров, тоже полковник и опер по особо важным делам. Фигура, можно сказать, у нас в главке выдающаяся! Да и не только в главке! Лучший сыщик столицы, а также всех времен и народов после Шерлока Холмса и Ниро Вульфа!

Гуров кивнул Агафонову и обменялся с ним рукопожатием. Затем очень внимательным взглядом окинул Крячко с головы до ног. Он слишком давно и хорошо знал своего друга. И невинное выражение лица Крячко и его частое моргание сейчас убедили Гурова, что подозрения его не напрасны...

– Отойдем-ка в сторонку, – Гуров легонько подтолкнул Крячко.

– Я на минутку, – важно бросил Станислав Агафонову. – Кое-какие дела с коллегой обсудить надо...

– Слушай, Стас, – понизив голос, сказал Гуров, когда они отошли в конец коридора. – Давай-ка выкладывай начистоту – что тут произошло? И не вздумай мне лапшу вешать, я для твоей же пользы спрашиваю. Мне уже Петр звонил, его самого на уши поставили, просил меня приехать побыстрее и разобраться. Так что пока он не нагрязнул – говори как на духу, чтобы я знал, как тебя отмазывать.

Крячко набрал в легкие побольше воздуха.

– Понимаешь, Лева... – жалобным голосом начал он.

В течение добрых трех минут Станислав рассказывал о своих утренних злоключениях, не забыв упомянуть жестокосердных жену и сына, а также пройтись по «допотопному обогревателю, которому давно место на помойке». В итоге картина вырисовывалась вроде бы и правдивая, но преподнесенная таким образом, что во всем виноват был кто угодно, от генерал-лейтенанта Орлова и коммунальных служб, вечно запаздывающих с включением отопления, до Господа Бога, пославшего дождь. То есть картина вышла такой, какой «рисовавший» ее Крячко видел.

Гурову хватило бы и нескольких слов, чтобы понять, как все обстояло на самом деле.

– Ясно, – прервал он Крячко, когда тот с особым смаком

описывал, как ловко и быстро выдернул шнур и предотвратил пожар. – Мой стол с компьютером, надеюсь, целы?

– Аки пасхальное яичко! – заверил Крячко. – Я тут и с пожарными вопрос утряс. Сейчас они у нас пожарную безопасность проверят в срочном порядке и убудут восвояси. Да уже, поди, закончить должны. Так что передай Петру, что все в ажуре. А подробности ему знать не обязательно. А я, с твоего позволения, тебя покину. Товарища встретил, с которым еще в юности посты топтал. Святое дело, сам понимаешь!

– Думаю, ты покинешь наше прославленное здание и без моего позволения, – усмехнулся Гуров. – И думаю, что это самое правильное в данной ситуации – не стоит тебе Петру на глаза показываться. Так что давай пулей отсюда!

– Так точно, товарищ полковник! – гаркнул Крячко и поспешил к лестнице, где его дожидался Агафонов.

Подхватив его под руку, Станислав потащил приятеля вниз, слишком старательно перебирая ногами. Однако бегство не удалось. Едва они оказались на улице, как к зданию УВД подкатил хорошо знакомый Крячко автомобиль «Форд».

– Тьфу ты, принесла же нелегкая! – в сторону пробормотал полковник.

«Форд» припарковался, и из него с озабоченным видом показался Петр Николаевич Орлов, заведующий главком и непосредственный начальник Гурова и Крячко.

Однако не только это обстоятельство испортило настрое-

ние Станиславу. Он успел заметить, что возле крыльца главка толкуются шустрые люди в куртках и с камерами наперевес. Да даже без камер по их поведению было понятно, что это журналисты. Крячко не любил писательскую братию, называл ее сборщиками сплетен и бездельниками, наживающимися на чужой беде. И всегда норовил ускользнуть от общения с представителями этой профессии, готовыми поймать его коллег в самый неподходящий момент и сбить с толку своими каверзными вопросами, дабы потом тиснуть в газетенке статейку, не имеющую ничего общего с реальностью. Вот и сейчас Крячко заметил, что при появлении Орлова журналисты дружно вскинули свои камеры, сгруппировались и приготовились к «охоте».

– Станислав, что случилось? – шагнул навстречу Крячко Орлов. – Мне позвонили из газеты, сказали – здание ГУВД горит! Меня чуть инфаркт не хватил!

– Врут, как обычно, Петр Николаевич! – категорично заявил Крячко. – Нет никаких жареных новостей, вот и придумывают на ходу. Писаки! – Он презрительно сплюнул.

Орлов недоверчиво посмотрел на него, потом вскинул голову вверх. Здание Главного управления внутренних дел выглядело как обычно, никакого дыма, копоти, а уж тем более огня не наблюдалось. Крячко тоже казался уверенным в себе и даже бравым, что еще больше убедило Орлова, что тревога, скорее всего, ложная. Внутренне он принял это обстоятельство с облегчением, однако решил все-таки до конца

прояснить ситуацию у Крячко. Однако Станислав, взяв инициативу в свои руки, не собирался ее упускать.

– Эй, граждане с огнеметами! – насмешливо обратился он к журналистам. – Чего столпились? Не мешайте работать!

К ним тут же подскочил какой-то шустрый корреспондент и быстро затараторил в микрофон:

– Поступили сведения, что сегодня, десятого ноября, в здании Главного управления внутренних дел Москвы начался пожар. Прибыла пожарная бригада. В настоящее время мы беседуем с сотрудниками данного учреждения, в том числе с его главой. Как вы можете прокомментировать это обстоятельство?

И он ткнул микрофон чуть ли не в лицо Крячко. Остальные журналисты сгрудились позади и выставили микрофоны. Станислав, который терпеть не мог подобного панибратства, напряг голосовые связки и зычным голосом пророкотал:

– Я могу это прокомментировать как ложные слухи, распускаемые недобросовестными работниками пера! Вместо того чтобы писать о действительно важных и, главное, правдивых новостях, они распространяют вымышленные сведения, которые иначе как сплетнями не назовешь! Таким горе-работникам должно быть стыдно за свое поведение, а если они этого не понимают, то администрации главка придется привлечь их к ответственности за клевету!

Произнеся это, Крячко демонстративно протянул руку и

нажал кнопку, выключая микрофон. Он был горд собой. Вообще-то Станислав не слишком владел стилистикой и культурой речи. Когда, к примеру, нужно было подготовить отчет о проделанной работе для начальства – опус, в сущности, не требующий особой витиеватости и сложных синтаксических конструкций, – Крячко возился с ним так долго, что казалось, он сочиняет какое-то масштабное эпическое произведение. Когда же опус был готов, оказывалось, что он включает в себя десять-пятнадцать строчек, перечитывая которые генерал-лейтенант всякий раз хватался за голову и глотал корвалол, а дежурные сержанты покатывались со смеху, если им в руки попадали эти эпистолярные образчики. А уж если предстояло сделать доклад и лично зачитать его, Крячко впадал в такой ступор, что порой даже спешно уходил на больничный.

Но порой в нем неожиданно просыпался оратор. Это происходило помимо воли и желания Станислава и обычно в такие минуты, когда от его речи зависела его собственная судьба. Тогда Станиславу казалось, что его язык существует как бы отдельно от него самого, выстраивая столь сложные синтаксические конструкции и произнося слова, которых Крячко в обычной жизни сроду не употреблял. На вопросы Гурова, как это он умудряется так преобразиться, Крячко лишь разводил руками, не в силах объяснить данный феномен. И вот сейчас, кажется, произошел именно такой момент перевоплощения.

Вся журналистская братия, ошарашенная вдохновенным выступлением полковника, как-то потухла и торопливо принялась выключать свою аппаратуру. Крячко был уверен, что теперь ничего из записанного не попадет в газеты. И точно: все газетчики как-то быстро, буквально на глазах, рассосались по машинам и разъехались. На пороге главка остались только Крячко с Агафоновым да Петр Николаевич Орлов, который был еще слишком растерян и не понимал, радоваться ли ему случившемуся или огорчаться.

– Вот так, Петр, – довольный собой, проговорил Крячко. – Таких сразу на место ставить надо. Пожарные, понимаешь, приехали, чтобы технику безопасности проверить в плановом порядке, а они тут навывдумывали бог знает чего! Вот, кстати, – заулыбался он, – товарищ мой, друг юности, можно сказать! Руководитель пожарной команды Саша Агафонов, он тебе подтвердит, что так оно все и было!

Агафонов кивнул, поймав взгляд Орлова, и сказал:

– Все в порядке, товарищ генерал-лейтенант. Никаких неполадок не обнаружено, можете спокойно работать.

– Спасибо большое, – только и смог ответить Орлов.

– Петр, я отъеду вместе с ребятами, – не давая ему опомниться, зататорил Крячко. – Все дела я Леве передал, он перед тобой отчитается. А я хочу, пользуясь случаем, провести день среди пожарных. По обмену, так сказать, опытом. А то от сидячей работы у меня уже шея болит! Меня до вечера не будет. Пока!

И Крячко, махнув Орлову рукой, быстро двинулся между припаркованных возле главка машин, таща за собой Агафоновна. Орлов постоял некоторое время в задумчивости, потом покачал головой, щелкнул пультом, ставя машину на сигнализацию, и направился в родную вотчину – здание Главного управления внутренних дел.

Однако перед тем как направиться в свой кабинет, Орлов для начала решил навестить Льва Гурова. Поведение Крячко хоть и выглядело впечатляющим, все же казалось ему ненатуральным, и Орлов решил удостовериться в том, что все в порядке, справившись у более надежного источника.

В коридоре перед дверью одного из кабинетов Орлов заметил какого-то мужчину, сидевшего на стуле явно в напряжении: спина его была неестественно прямой, в руках он сжимал какой-то сверток. Вид у мужчины был интеллигентным, но при этом несколько нелепым: хорошо сшитый серый с отливом костюм сидел на нем мешковато, очки в черной оправе сползали набок, и мужчина постоянно их поправлял. Черные с проседью волосы, правда, были подстрижены аккуратно, а вот торчащая клинышком бородка ухоженной не выглядела.

Заметив Орлова, тот сделал неуловимое движение в его сторону, словно хотел что-то спросить, но передумал и снова застыл на стуле. Орлов, занятый своими мыслями, подошел к двери кабинета, общего для Гурова и Крячко, и уже взялся за ручку, как вдруг сзади его окликнули:

– Простите, можно вас на минуточку?

Орлов обернулся. Мужчина, сидевший на стуле, теперь поднялся и сделал пару шагов ему навстречу. В руках он нервно мял какой-то листок. Теперь Орлов увидел, что незнакомец худ как палка.

– Прошу прощения, вы ведь... генерал, судя по погонам?

– Генерал-лейтенант, – поправил мужчину Орлов, чем, кажется, еще больше смутил человека.

– Да-да, – пробормотал тот смущенно. – Простите, я человек гражданский.

«Чего это он все извиняется?» – подумал Орлов, а вслух нетерпеливо спросил:

– Так что вы хотели?

– Я, собственно, хотел просто спросить у вас... Как у начальника. К кому мне можно обратиться по... по крайне важному вопросу?

– Ну, это смотря по какому важному вопросу, – произнес Орлов.

Мужчина помолчал, словно колебался, потом вдруг выпалил:

– Вопрос касается покушения на жизнь человека!

– Гм, – неопределенно сказал Орлов, задумавшись и бегло осматривая мужчину. Тот не был похож ни на сумасшедшего, ни на сквалыгу, заваливающего различные инстанции своими жалобами. – Что ж, из лучших оперативников могу рекомендовать Гурова Льва Ивановича. Он как раз зани-

мается важными вопросами, касающимися жизни и смерти. Вот его кабинет. Как только он освободится, можете заходить.

И Орлов открыл дверь в кабинет Гурова. В это время раздался звонок мобильного телефона, и мужчина резко ответил невидимому абоненту:

– Да, я занят! В «Аниму» поеду сразу как освобожусь. Что? Нет, сейчас никак не могу. А я говорю, что не могу! И вообще, у меня прием начинается в шесть! Ах, срочное дело... Ну хорошо, хорошо!

С раздражением мужчина выключил телефон и сокрушенно произнес в пустоту:

– Черт знает что! Срочность какая! У меня тоже могут быть срочные дела!

Орлов скрылся за дверью кабинета, плотно прикрыв ее за собой.

Лев Гуров сидел за своим столом в непринужденной позе и складывал отпечатанные с вечера документы в стопку. Его плащ аккуратно висел на плечиках, на полу в центре кабинета лежал коврик, на котором стояли ботинки Гурова, которые тот явно поставил сушиться. Однако обогреватель был выключен. Ноздри Орлова уловили запах освежителя воздуха «Морской бриз», однако в него неуловимо вплетался другой, очень уж смахивающий на запах чего-то горелого...

Орлов, ни слова не говоря, шагнул первым делом к прибору и коснулся его рукой. Обогреватель был холодный. Ор-

лов скопился на Гурова, сидевшего с самым невозмутимым видом, подошел к его столу, сел на стул и бросил:

– Привет, Лева!

– Привет, – отозвался Гуров. – У меня отчеты все готовы, включая крячковские. Сейчас заберешь?

Орлов кивнул и осторожно полюбопытствовал:

– Лева, что тут за пожарная тревога?

– Ничего, – пожал плечами Гуров. – Пожарные приехали осмотреть проводку. Уже уехали, все в порядке.

– А почему паленым пахнет? – сощурился Орлов, приняв хиваясь.

– Да это Крячко тут небольшой эксперимент проводил! – махнул рукой Гуров. – Ничего особенного, не бери в голову.

– Лева... – В голосе Орлова зазвучали суровые нотки. – Имей в виду – если есть какой-то грешок, лучше сразу мне доложить! Я не хочу потом оказываться козлом отпущения и получать по телефону разнос оттуда! – Орлов закатил глаза к потолку.

– Ты Господа Бога имеешь в виду? – с улыбкой поинтересовался Гуров. – У тебя с ним прямая телефонная связь? – И, видя, что Орлов намеревается что-то возразить, решительно его прервал: – Петр, послушай моего доброго совета – забудь об этой истории. Не надо тебе никаких подробностей! Ни тебе, ни нам ничего не грозит, все нормально. И давай спокойно работать. Планерка согласно расписанию?

– Разумеется, – вздохнул генерал-лейтенант. – Через пять

минут в моем кабинете. Да! – спохватился Орлов. – Там тебя какой-то мужчина дожидается у кабинета. Судя по всему, у него проблемы жизненно важные. Срочных дел у тебя все равно нет? Так что можешь заняться им прямо сейчас.

– А что, на планерке я тебе не нужен? – поднял брови Гуров.

– Да вы мне вообще с Крячко не нужны! – в сердцах бросил Орлов. – Один невроз от вас! Так что я даже рад, что этот клоун уехал вместе с пожарными! И ты занимайся своими делами, а мне на глаза лучше не попадайтесь! Экспериментаторы!

И Орлов, поднявшись со стула, решительной походкой направился к двери. Гуров проводил его молчаливым взглядом, пряча улыбку, потом подошел к коврику на полу, отогнул его угол и, рассматривая выжженное пятно на ламинате, покачал головой. Затем увидел на столе Крячко какую-то мятую тряпку и взял ее. Это оказалось его кашне, опрометчиво оставленное вчера вечером в кабинете. Именно им Крячко воспользовался, когда выдергивал шнур от обогревателя из розетки. Гуров развернул кашне. С одного края концы оплавились, и там образовалось несколько дырок.

– Ну, Станислав! – выругался Гуров. – Прикрою я тебя в следующий раз!

И, пряча досаду и гнев, швырнул кашне в мусорную корзину. Потом подошел к зеркалу, висевшему в углу, пригладил седеющие виски и вспомнил о человеке, который, по

словам Орлова, дожидался его в коридоре. Однако когда Гуров выглянул туда, чтобы позвать посетителя, коридор был пуст. Полковник на всякий случай прошелся до лестницы, но и там никого не обнаружил.

«К другому, что ли, кому зашел?» – подумал он.

Однако разыскивать какого-то незнакомого человека не входило в его компетенцию, и Гуров отправился к себе, решив, что, если надо, посетитель легко может его найти. Уже открывая дверь, он боковым зрением заметил лежащий на стуле некий предмет. Поколебавшись, полковник вернулся и протянул к нему руку. Это был рекламный проспект какого-то спортивного клуба. Гуров повертел его в руке, пожал плечами и, вернувшись в кабинет, отправил в мусорку вслед за безнадежно испорченным кашне.

Глава 2

День, начавшийся для Станислава Крячко неудачно, дальше сложился лучше. В первую очередь потому, что никаких стихийных бедствий в пожарной охране не происходило. Не было срочных вызовов, и пожарные занимались тем, что сидели в своей служебной комнате, развлекаясь игрой в карты, попивая чай и кофе и рассказывая анекдоты по десятому кругу.

Крячко с Агафоновым уединились в крохотной каптерке, где им никто не мешал. Станислав, выдувая уже третью пузатую кружку чая с печеньем, вытянул ноги и блаженно произнес:

– Хорошо! Слушай, а мне у тебя определенно нравится! – с легким удивлением констатировал он. – Ни тебе погонь, ни стрельбы, ни вызовов к начальству. Красота! Может, мне тоже в пожарные податься?

– Ага, – усмехнулся Агафонов, снова доливая в электрический чайник воды и ставя его на подставку. – И будет как в том анекдоте про новоявленного пожарного. Все, говорит, отлично – и коллектив, и зарплата, и кабинет... Но вот как пожар – так хоть увольняйся!

Крячко засмеялся. Агафонов невесело хмыкнул:

– Не всегда у нас так, как сегодня, Стас. И нагоняи от начальства случаются, куда ж без них! А уж как пожар – так

и вовсе катастрофа. Бывает, жизнью рисковать приходится, это я тебе без всякого пафоса говорю. И чай гонять постоянно не получается. То один вызов, то другой... То какой-нибудь ханурик с окурком в постели заснет, а потом вся девятиэтажка полыхает. То еще какой-нибудь деятель обогреватель включит и забудет про него. Да еще и ботинки рядом поставит...

– Да-да, – рассеянно сказал Крячко. – Несознательный народ...

– Скоро смене конец, – успокоил старого приятеля Агафонов. – Куда направимся-то? Могу тебя к себе пригласить, с женой познакомлю.

– Новая жена, что ли? – поинтересовался Крячко не очень-то деликатно.

– Почему? Старая, – удивился Агафонов и тут же засмелся: – В смысле, она у меня совсем не старая и выглядит очень хорошо. На пять лет меня моложе.

– То есть это твоя первая жена? – уточнил Станислав.

– Ну да, первая, и, надеюсь, последняя. Я вообще-то поздно женился по тогдашним меркам, в двадцать восемь лет. Наши с тобой пути в то время уже почти не пересекались. Я в Алексеевском отделе тогда работал. А она к нам пришла с заявлением – сумочку у нее украли. Прямо из рук выдернули.

– И что? – заинтересованно спросил Крячко. – Нашел?

– Нашел! – удовлетворенно сообщил Агафонов. – Два

шкета сопливых, обоим по пятнадцать лет.

Неторопливо продолжая диалог, приятели шли по улице. В холодный запах мокрых листьев вмешался вкусный аромат копченой рыбы, и Крячко остановился, пригнувшись и оглядываясь по сторонам.

– О! – удовлетворенно заметил он. – Пивной бар! Давай-ка зайдем, пропустим по паре кружечек. Да и закусим заодно. А то у меня в желудке один чай плещется!

– Не только, – засмеялся Агафонов. – У тебя там еще печенье и бутербродов десятка полтора!

– Ну что ж мне, голодать, что ли, было. И потом, время уже ужинать, – смущенно пробормотал Крячко.

– Ладно, пошли, – согласился Агафонов, и приятели спустились по лестнице в полуподвальное помещение, стилизованное под старинную таверну с рыцарским названием «Круглый стол». Взяли у стойки по большой кружке светлого пива и сели за столик. Столики здесь и впрямь были круглыми, стены изнутри выложены камнем, напомиавшим булыжник, и вообще в декоре присутствовало множество камней.

Крячко с удовольствием отхлебнул пива и отломил кусок нежной, истекающей жиром скумбрии, ломтиками разложенной на широком блюде. Рыба была что надо: натурального копчения, соленая ровно настолько, насколько требовалось, к тому же очень свежая. Агафонов последовал примеру

Крячко, и они некоторое время лишь жевали и постукивали кружками.

Здесь было тепло, несмотря на полуподвальное помещение и каменный интерьер. По-видимому, это была заслуга все же мощного современного отопления, а камин с витой решеткой у стены больше выполнял декоративную функцию.

Крячко разомлел и заказал себе еще одну кружку. Агафонов справлялся с пивом и закуской не хуже его, так что перерыва не последовало. Александр рассказывал о своей семье, о жене, двух дочерях, старшая из которых уже работала врачом, а младшая училась в университете и тянула на красный диплом.

После того как Александр замолчал, настала очередь Крячко делиться своими семейными делами.

– А у меня сын и дочь, – просто сказал Станислав и добавил: – Тоже учатся, – не уточняя, как именно продвигается учеба у его отпрысков. В этом плане ему нечего было противопоставить прилежной дочери Агафонова. – А помнишь, как мы с занятий по истории марксизма сбегали пиво пить? – припомнил он молодые годы учебы в школе милиции.

– Конечно! – кивнул Агафонов. – Там еще пивная была, называлась «Родничок». Забавное название для пивной, правда?

– Точно! – подхватил Крячко. – Но пиво там было – супер! Никогда больше такого не пил. Даже в Германии! И чего его так хвалят? И колбасы-то у них искусственные какие-то, как

будто резиновые!

– Ну, национальная кухня, что поделаешь!

– Какая там национальная кухня! – поморщился Крячко. – Вот у нас на Украине – да! Вот там кухня, там тебе и колбасы, и пиво, и сосиски, и все в правильной пропорции положено, все сбалансировано! И все натуральное, заметь, а не целлофановое! Украина – единственное государство, где удалось сохранить высокое качество продуктов.

Крячко, подвыпив, заговорил на свою любимую патристическую тему. Имея украинские корни, он тем не менее был стопроцентным москвичом, поскольку его родители давным-давно поселились в столице, еще когда сюда не рвался народ со всех концов страны и ее пределов. Однако при случае любил подчеркнуть, что он «стопроцентный» хохол, хотя даже украинского языка толком не знал. Причем проявлялась эта особенность Крячко парадоксальным образом: когда он находился в компании стопроцентных россиян и кто-то из них слишком лестно проходил по украинцам, Крячко грудью вставал на защиту «ридных Вкрайны» и с презрением говорил о «москалях». Когда же он слышал чью-то речь с неповторимым украинским акцентом, в которой звучали националистические нотки в адрес тех самых «москалей», Крячко грудью вставал на защиту «родного русского народа», изо всех сил подчеркивая, что является его неотъемлемой частью. Вот так боролись в Станиславе Крячко две национальные сущности, которые, впрочем, вполне

могли бы мирно уживаться, как и оба восточнославянских народа.

После того как количество выпитых кружек перевалило за пять, дальше их уже никто не считал. Станислав лишь поворачивался в сторону бармена, кивал ему, и им молча принесли очередную порцию. Если бы так продолжалось и дальше, то Крячко с Агафоновым, сами того не заметив, уснули бы прямо за столиком. Однако всему приходит конец, как и работе пивного бара, и к одиннадцати часам бармен возвестил что заведение закрывается и всех присутствующих будут рады видеть здесь завтра начиная с десяти утра.

Крячко, не слишком довольный таким обстоятельством, хотел было договориться, чтобы остаться еще на полчаса, но Агафонов решительно воспротивился, сказав, что и так засиделся и что его жена наверняка уже волнуется. Тут у него очень кстати зазвонил сотовый телефон, и Александр, переговорив с женой, пообещал ей, что скоро вернется. Крячко, все еще имевший зуб на свою супругу и сына, не считал нужным отзваниваться им и докладывать, где задержался и почему.

«А моя Наталья не волнуется! – подумал он с досадой. – Даже не позвонит! Может, муж на спецзадании жизнью рискует!»

Крячко хмуро покосился на Агафонову и с досадой отключил свой телефон.

Они вышли из кафе. Дождь кончился, однако небо, затя-

нутое тучами, говорило о том, что это ненадолго и что завтра с утра, а может быть, и ночью, улицы Москвы снова оросятся холодными каплями.

– Эх, хорошо посидели. Даже жалко расставаться! – с сожалением сказал Крячко.

Почти напротив бара светилась заглавная буква слова «Метрополитен». Агафонов вопросительно посмотрел на Станислава.

– Давай я с тобой пройду, – сказал тот. – К тебе заходить уже поздно, я тебя провожу, поболтаем еще немного.

– Ну давай, – согласился Александр. – Пойдем через сквер. Как раз за ним мой дом. А в одном квартале от него следующая станция, там и сядешь.

Все так же неторопливо они пошли по улице. Теперь, когда дождь перестал, можно было и прогуляться. Восторг и воодушевление первых впечатлений от встречи несколько спали, теперь приятели вели неспешную беседу, не слишком бурно проявляя эмоции. Да и город в это время суток уже был спокоен и готовился ко сну.

Перед входом в сквер с левой стороны показалось недавно выстроенное двухэтажное здание, украшенное яркой вывеской «Фитнес-центр «Идеал».

– Дочка моя здесь занимается, – кивнул на вывеску Агафонов. – Четыре раза в неделю на занятия сюда ходит.

– Нравится? – спросил Крячко, просто чтобы поддержать разговор.

– Ну, не нравилось бы – не ходила, – резонно заметил Александр. – Они же знаешь как в этом возрасте – все мысли только о стройности фигуры. А она и так тоненькая как спичка, куда еще худеть?

– Все эти стандарты голливудские! – охотно поддакнул Крячко и сплюнул. – Моя тоже на фигуре помешалась. Только ей заниматься лень, так она себя диетами изводит. Неделями ничего не ест, одной травой какой-то питается! А потом жалуется – гастрит хронический! Я вот всю жизнь никаких диет не соблюдаю, а питаться стараюсь самой простой натуральной пищей, и никакого гастрита у меня в помине нет. И это при моей работе! Одним словом, щи да каша – пища наша!

– Да, только, боюсь, твоя дочка предпочтет иметь свою фигуру с гастритом в придачу, чем твою комплекцию без гастрита, – усмехнулся Агафонов и выразительно показал на зеркальный фасад фитнес-центра, в котором сейчас отчетливо отразились внушительные габариты Крячко.

Станислав смутился и невольно втянул живот, которому в последнее время стало слишком тесно под застегнутым ремнем. Агафонов заметил его телодвижения и засмеялся.

– У меня кость широкая, – оправдывался Крячко. – И вообще наследственность. И отец, и мать, и дед с бабкой всегда в теле были. А против природы разве попрешь?

– Да ладно, расслабься, ты же не девочка на выданье, – махнул рукой Агафонов.

– Да уж, бог миловал, – ворчливо произнес Крячко. – Спасибо ему, что человеком родился. А мог бы бабой!

Досада на жену еще не улеглась в душе Станислава, потому он и брюзжал сейчас в адрес женского пола в целом. Здание фитнес-центра было уже темным. Только на первом этаже слабо мерцал свет и стояла возле подъезда чья-то одинокая автомашина.

– Что, до сих пор занятия продолжаются? – спросил Крячко.

– Да, до одиннадцати. Поздно, конечно, – озабоченно проговорил Агафонов. – К тому же домой приходится через этот сквер возвращаться. А тут место пустынное. Можно, конечно, через улицу – но кто ж станет такие круги нарезать? Тем более когда тебе восемнадцать лет, ты все лучше всех на свете знаешь и с тобой, конечно же, ничего не может случиться!

– Да уж! – соглашаясь, кивнул Крячко. – Мои такие же. Оба – что сын, что дочь! Родители им вообще не указ. Я даже думаю, что они нас совсем древними считают, как динозавров. У моего сына одноклассник пару лет назад знаешь что написал в сочинении? «Это было очень давно. Настолько давно, что даже трудно себе представить – аж в тысяча девятьсот восьмидесятом году!» Как тебе такое?

Агафонов раскатисто захохотал.

– Да уж, – качая головой и утирая слезы, проговорил он. – Для них это действительно прошлый век!

– А для меня – как вчера было, – с легкой грустью заметил

Крячко. – Восьмидесятый год! Лето, Олимпиада, толпы иностранцев, смерть Высоцкого... И я сам – молодой, стройный и красивый. И уже от одного этого счастлив! Ты помнишь, как было в молодости? Нам не нужен был повод или причина, чтобы чувствовать себя счастливыми. Мы были счастливы уже от того, что молоды.

Агафонов с легким удивлением посмотрел на Крячко, который, увлеченный воспоминаниями, выглядел очень воодушевленным, и в то же время в голосе его звучала некая горечь.

– У тебя что, дома неприятности? – осторожно спросил Александр.

– Почему? – стушевался Крячко.

– Да ты вроде никогда не был склонен к сентиментальности, – пожал плечами Агафонов. – А также к философским размышлениям.

– Это опять же в молодости, – поднял палец Крячко. – А сейчас я... Сейчас я просто старею, Саня. Старею. И с особой грустью вспоминаю былые времена и начинаю гораздо сильнее ценить то, что тогда было само собой разумеющимся. Гораздо сильнее, потому что теперь лишаюсь этого.

– Да ну ладно тебе, – попытался ободрить затосковавшего приятеля Агафонов. – Не так уж мы плохи! Ты еще крепок, старик Розенбом! – Он шутливо толкнул приятеля локтем в бок.

– Ай! – притворно вскрикнул Крячко и одновременно с

его возгласом раздался тонкий пронзительный крик.

Он прозвучал настолько неожиданно и настолько синхронно совпал с возгласом Крячко, что поначалу воспринялся как пародия, насмешка, передразнивающая Станислава. Но тут крик повторился. Человек пронзительно и отчаянно заголосил:

– А-а-а! Помогите!!!

Приятельи одновременно повернули головы. Крик доносился с дальнего конца сквера и был несомненно женским. Не сговариваясь, оба бросились в ту же сторону, а крик, вибрируя в воздухе, вторил беспрерывно:

– Помогите, помогите, помогите...

– Марина? – вдруг выкрикнул Агафонов, ускоряя бег.

Крик на секунду прервался, замер, потом послышался хлесткий удар, словно от упругой ветки, а затем по асфальтовой дорожке сквера гулко застучали каблукы. Агафонов, далеко обогнав Крячко, уже достиг редеющих в посадках деревьев, откуда выбежала девушка в короткой курточке и джинсах.

– Папа! – тонко вскрикнула она, бросаясь Агафонову навстречу.

Когда подоспел Крячко, Александр одной рукой прижимал к себе девушку, другой с встревоженным видом ошупывал ее лицо, на котором отражались испуг и одновременно облегчение.

– Марина, все, все, – успокаивающе говорил Агафонов. –

Все хорошо! Ты в порядке? Где больно?

– Нигде, все нормально. Он туда побежал, – неожиданно ткнула девушка дрожащим пальчиком в сторону, увидев Крячко.

Станислав, будучи опытным оперативником, уже представил по возможности себе ситуацию. Девчонка – по всей видимости, дочь Агафонова, та самая, озабоченная свой фигурой – возвращалась домой со своих занятий фитнесом, как водится, через сквер. И здесь кто-то попытался на нее напасть. Кто и с какой целью, сейчас размышлять было некогда. Кричала девчонка душераздирающе, так что вряд ли это кто-то из ее приятелей, решивший проводить девушку и по дороге вдруг потерявший контроль над собой. Да и вообще, не привык Крячко раздумывать. Он предпочитал действовать, посему, оставив Агафонова утешать дочь, рванулся в направлении, куда указывала Марина.

Он не видел его, но чувствовал – слышал удаляющиеся шаги, тяжелое дыхание убежавшего и изо всех сил старался догнать. Впереди сквозь кусты мелькала туда-сюда темная фигура. Она металась из стороны в сторону, то ли не зная, какое направление лучше выбрать, то ли пытаясь запутать догонявшего, сбить его со следа. Это, возможно, показалось бы смешным: посаженные недавно деревца были редкими и сами посадки почти прозрачными – это же не лес густой! Однако отсутствие освещения играло на руку убежавшему.

Крячко напряг силы, пытаясь сократить расстояние, и ему

это вскоре удалось. Он уже даже мог разглядеть нечеткий контур фигуры бежавшего нагнувшись вперед человека, одетого в широкий плащ.

Фигура дернулась направо, и Крячко сделал рывок в ту же сторону, уже торжествуя в душе, что ему вот-вот удастся поймать убежавшего. Он уже протянул руку, стараясь ухватить его за капюшон плаща, однако рука лишь лихорадочно шарила в воздухе. Крячко еще поднажал, рванулся вперед изо всех сил – и тут же получил сокрушительный удар в лоб, от которого у него посыпались искры из глаз.

– Ох, е! – только и смог вымолвить Станислав, резко останавливаясь и прижимая руку ко лбу.

Под пальцами набухла здоровенная шишка, но Крячко не собирался прекращать погоню. Однако он с удивлением обнаружил, что она не представляется возможной – впереди было какое-то серьезное препятствие. Крячко растерянно шарил впереди себя руками, которые натыкались на стену.

Ругаясь сквозь зубы, Станислав выдернул из кармана коробок спичек, зажег одну – торопился, нервничал, и спичка сломалась. Следующая вспыхнула, ярким огоньком осветила окрестность, и Крячко увидел, что он стоит возле кирпичной стены, увитой каким-то кустарником. И больше здесь никого не было.

Спичка обожгла пальцы, Крячко отшвырнул ее в сторону и чиркнул следующей. После этого он присел и стал внимательно приглядываться. Так и есть – внизу лаз из несколь-

ких вытасканных кирпичей. Небольшое такое неровное отверстие, но вполне пригодное для того, чтобы в него смогла пролезть узкая, худощавая фигура. Крячко сунулся в этот лаз...

Ах, если бы Станислав хотя бы по утрам делал гимнастику, как обещал себе уже который год. Если бы он действительно питался исключительно той простой натуральной пищей, которую так восхвалял, и не позволял себе на службе перекусывать многослойными гамбургерами, если бы по роду службы ему не приходилось ужинать не в семь вечера, а в два-три часа ночи, если бы он хотя бы иногда устраивал себе разгрузочные дни! Если бы...

Тогда бы он, наверное, смог протиснуться в эту лазейку. Сейчас же он едва сумел протиснуть в нее левую ногу. Досада и злость охватили Крячко. Он, полковник, опер-важняк с многолетним стажем, сейчас терпел поражение от какого-то дилетанта, и все потому, что был не в силах преодолеть столь пустяковую преграду.

Разозлившись, Станислав сделал несколько шагов назад, хорошо примерился, разбежался и, когда достиг стены, подпрыгнул и ухватился-таки руками за ее верх. Обдирая ладони, тяжело перемахнул через забор и опустился по другую сторону.

Оказался он на обычной улице. Здесь было гораздо светлее, чем в сквере, – горели фонари, по дороге двигались автомобили с включенными фарами. Крячко повертел головой

по сторонам. Никакой фигуры в плаще видно не было, а улица через десяток метров расходилась на три дороги. И на какую из них свернул убежавший тип в плаще, можно было только гадать. А гадать – дело неблагодарное и пустое.

Крячко с тоской смотрел на дорогу. Саднящая боль в ладонях вернула его к реальности. Зря он обдирал их в кровь, зря мчался за этим таинственным незнакомцем – тот легко и просто ушел от него.

– Развели как детей, – вслух проговорил Станислав так часто слышанную им во время трансляции футбольных матчей комментаторскую фразу в моменты стопроцентного проигрыша какой-либо команды.

Вздохнув, Станислав сплюнул и понуро побрел к входу в сквер. Возвращаться тем же путем, через забор, ему совершенно не хотелось.

Агафонова с дочерью он нашел по приглушенным голосам. Они сидели на скамейке, Александр накиннул на плечи дочери еще и свою куртку и, глядя ее по волосам, что-то успокаивающе говорил. Станислав подошел и хмуро опустился на скамейку рядом. Агафонов поднял на него глаза.

– Что? Ушел? – одними губами спросил он.

Крячко молча кивнул. Александр едва заметно махнул рукой – наплюй, мол. Не это главное. Но Станислав понимал, что он мог, да не просто мог – должен был схватить этого незнакомца. А теперь... Теперь надо было все же выслушать Марину.

Конечно, Станислав Крячко, как самый обыкновенный человек, был бы рад, если бы вся эта история закончилась прямо сейчас. Ну, выяснилось бы, что девчонка просто поссорилась со своим провожатым, который полез к ней со слишком настойчивыми ухаживаниями. Тот тоже погорячился. Словом, банальная история. И можно было бы с чистой совестью отправить ее с отцом домой, мягко пожуриив за легкомысленное поведение, и посоветовать впредь выбирать кавалеров и не ходить темными вечерами через сквер. Однако интуиция подсказывала Крячко, что вряд ли он отделается так легко.

Он посмотрел на Марину. Та уже несколько успокоилась, не дрожала, а сидела нахохлившись и периодически прикладывала к щеке мокрый то ли от дождя, то ли от слез платок. Присмотревшись, Крячко заметил, что щека у девушки распухла и на ней виднеется кровоподтек.

«М-да, – подумал он. – Вечер явно перестал быть томным...»

И, решившись и послав мысленно к черту все условности, проговорил:

– Марина, я давний друг твоего отца. Расскажи мне, пожалуйста, что тут произошло.

На лице Агафонова промелькнуло сомнение, но только на миг. Он крепче сжал плечо дочери и сказал:

– Да, дочь. Выкладывай: кто тебя обидел?

Девушка прижала руки к груди и растерянно сказала:

– Я сама ничего не понимаю! Я возвращалась с занятий, как всегда, через сквер...

– Так, а почему так поздно? – вдруг сдвинул брови Агафонов.

Марина покраснела:

– Я с подружкой заболталась. Проводила ее до выхода, мы постояли совсем немного, а потом я пошла домой. Все занятия уже закончились, и в фитнес-центре никого не осталось. Да в сквере и не бывает никого в это время! Я шла себе спокойно и даже не поняла, откуда он взялся!

– Кто «он»? – спросил Крячко.

– Я не знаю! Какой-то человек в плаще. Он появился неожиданно и бесшумно, сразу же схватил меня за плечо и стал тянуть на себя. А второй рукой зажал мне рот. Я сразу же дернулась и хотела побежать, но он крепко держал меня. Я изворачивалась изо всех сил, но он был очень сильный. Или мне с испугу показалось... Одним словом, я испугалась и разозлилась так сильно, что впиалась в него.

– Что сделала? – переспросил Крячко удивленно.

– Ну, укусила, – слегка смутилась Марина. – Его потная ладонь так противно сжимала мне рот, и я зубами впиалась в его руку. Он сразу же отдернул ее, и тут я смогла закричать. Я кричала и одновременно рвалась в сторону. И он наконец-то отпустил меня и побежал. Наверное, услышал ваши шаги. Это просто чудо какое-то, что вы оказались рядом!

– Вот именно! – с нажимом произнес Агафонов. – Ты во-

обще представляешь, что могло случиться, если бы нас – совершенно случайно! – не оказалось рядом? Ты отдаешь себе отчет?

Марина виновато захлопала ресницами:

– Но, папа, я же все время возвращаюсь домой через сквер одна. И всегда все было нормально!

– Все когда-то случается впервые, – глубокомысленно заметил Крячко. – Ты бы папу-то слушала, дочка. Родители – они иногда полезные вещи говорят.

– Значит, ты либо переносишь свои занятия на светлое время суток, либо вообще прекращаешь посещать этот центр! – категорическим тоном заявил Александр.

– Но, папа...

– Никаких «но»! – повысил голос Агафонов. – Я, кажется, почти никогда ничего не запрещал вам с Оксаной – верно? Всегда старался все объяснить и взывал к вашему благоразумию. И чаще всего это получалось. Но когда благоразумие отказывается работать, я – извини! – вынужден перейти к запретам! А твое благоразумие куда-то пропало! Ты что забыла, что здесь женщину убили?

Марина опустила голову. У Крячко имелись к ней еще вопросы, и он собирался задать их прямо сейчас, но вдруг с левой стороны послышались неуверенные шаги. Они были цокающими, как при ходьбе на тонких каблуках. И еще слышался какой-то шелест.

– Кто здесь? – зычно спросил Крячко.

На дорожке, ведущей к скамейке, на которой они расположились, показалась стройная фигура в коротком приталенном пальто.

– Простите, а что здесь происходит? – раздался женский голос.

– Подойдите сюда, – позвал Крячко, сам направляясь навстречу фигуре.

Подойдя, он увидел, женщину лет тридцати с небольшим, светловолосую, в руках она держала зонтик. Его складки колыхались на ветру, тихо шелестя. Глаза ее за очками в тонкой оправе смотрели настороженно, ноги в сапожках на высоких каблуках неуверенно переступали.

«Москвичка под зонтиком, мадонна на каблучках...» – вспомнились вдруг Крячко слова слышанной сегодня утром песни.

Женщина не была похожа на мадонну. У нее были довольно острые черты лица, хотя и приятные. Взгляд довольно строгий, а может быть, так казалось из-за очков. Светлые волосы свисали до плеч, загибаясь на концах внутрь.

– Вы кто? – в упор спросил Крячко.

– Я? – растерялась женщина, но, заметив на скамейке Марину, быстро совладала с собой и произнесла:

– Я Гордина Екатерина Викторовна, тренер.

– Вы работаете здесь? – уточнил Крячко.

– Да, – подтвердила она. – В фитнес-центре «Идеал». Я уже собиралась ехать домой, но услышала какие-то крики и

беготню. Вот и решила подойти узнать, в чем дело.

Крячко несколько секунд смотрел на нее неотрывно, потом показал рукой:

– Пройдемте, пожалуйста, ненадолго. Мне с вами побеседовать нужно.

Он достал из кармана свое удостоверение, и этот документ, кажется, окончательно успокоил Гордину, во всяком случае к скамейке она шла уже уверенной походкой.

– Марина? – невольно воскликнула она, увидев девушку. – Господи, что с тобой?

Гордина нагнулась и коснулась пальцами щеки девушки. Та поморщилась и ответила:

– На меня напал какой-то урод. Хорошо, что папа с другом как раз шли мимо и спасли меня.

– Господи, кошмар какой! – Гордина дернула острым плечом. – А... чего он хотел?

– Екатерина Викторовна, – вмешался Крячко, – Давайте сначала вы мне ответите на несколько вопросов. Во сколько у вас закончились занятия?

– В одиннадцать, – ответила Гордина.

– И народ сразу разошелся?

– Практически да. Было уже и так не слишком рано. У нас последнее занятие рассчитано на людей, которые работают допоздна и приезжают как раз к девяти часам. Многие не успевают перед этим даже заехать домой, чтобы переодеться и поужинать, так что, сами понимаете, они торопятся поско-

рее уехать. Буквально через минут семь в центре уже никого нет...

– А вы почему остались? – прищурился Крячко.

Гордина пожала плечами:

– За мной муж должен заехать. Жду с минуты на минуту.

– Понятно, – буркнул Крячко. – А есть у вас среди клиентов мужчина, который ходит в длинном плаще, похожем на балахон?

– Да вроде нет, – немного удивленно отозвалась Екатерина Викторовна. – Костя Широков, правда, носит плащ, но не балахон, а очень даже элегантный.

– Это кто? – сдвинул брови Крячко.

– Это один из наших тренеров. Но он уехал одним из первых, сразу, как закончились занятия. Я сама видела в окно, как отъезжала его машина.

– Что за машина? Назовите адрес и телефон этого Кости, – потребовал Крячко.

Он еще некоторое время беседовал с Гординой, выясняя интересующие его сведения, потом, решив, что на сегодня достаточно, разрешил ей ехать домой. Екатерина Викторовна с сочувствием посмотрела на Марину, вздохнула и поднялась.

– Надеюсь, ничего подобного больше не повторится, – проговорила она, прощаясь, и пошла к выходу, цокая своими острыми каблучками.

– А уж как я надеюсь... – пробурчал Крячко ей вслед. По-

том задумчиво посмотрел в блокнот, где был записан адрес Константина Широкова.

Проживал тот в Алтуфьево, и Крячко ну совершенно никак не улыбалось тащиться туда сейчас, посреди ночи. Собственно, он и не был уполномочен так поступать: никакого официального дела не было, и Марина, судя по всему, вообще вряд ли захочет писать какое-либо заявление. А если даже и напишет, если даже его примут и заведут дело, то его точно не поручат Станиславу. Полковник Крячко привык специализироваться на чем-то более серьезном, чем нападение молодого придурка на девушку в сквере. К тому же неудавшееся. Так что самым правильным было вообще забыть об этом инциденте, радуясь, что все в конечном итоге обошлось благополучно.

– Это был не Костя, – вдруг произнесла Марина.

– Что? – спросил Крячко.

– Я говорю – это не Костя Широков. Костя выше и крупнее. И плаща такого у него сроду не было.

– Ну, ты могла и ошибиться, – с сомнением заметил Агафонов.

– Папа! – с укором проговорила Марина. – Я же у него занимаюсь! И вообще – зачем Константину Дмитриевичу на меня нападать?

– Зачем? – Агафонов пристально уставился на дочь.

– Шут его знает, зачем, – в сторону пробормотал Крячко. – Может, и незачем. Ладно! – Он хлопнул себя ладонью

по коленке и поднялся со скамейки. – Давайте-ка, ребята, прощаться на сегодня. И Марине отоспаться надо спокойно после произошедшего, и нам с тобой завтра на службу.

– Да, – кивнул Агафонов. – Пойдемте.

Они дошли до противоположного выхода из сквера. Отец с дочерью свернули к своей девятиэтажке, а Станислав Крячко зашагал к метро. Он шагал и думал, что можно было, наверное, и не тратить время на беседу с Мариной и тренером Екатериной Гординой, потому что этот сегодняшний эпизод наверняка затеряется в круговерти ему подобных, ежедневно совершающихся в многомиллионной столице. И что можно было уже давно быть дома, напиться чаю и завалиться на диван перед телевизором. А сейчас, во втором часу ночи, уже не получится. Завтра действительно на службу, прятаться от Орлова он не собирается, да и Льва негоже оставлять одного. Так что сейчас надо добраться до дому и спать.

«А Наташка-то так и не позвонила», – подумал он о жене, сидя в чуть покачивающемся почти пустом вагоне метро.

Уже подходя к подъезду, Крячко вскинул голову и увидел, что в окнах его квартиры горит свет.

«Спиногрыз опять полуночничает! – подумал он о сыне. – А утром в институт не добудишься, будет дрыхнуть до обеда, первые две пары снова пропустит... Эх, мать!»

Старый лифт со скрежетом вознес его на нужный этаж. Крячко автоматически достал ключи из кармана и, выходя из лифта, держал их наготове, однако это оказалось лишним: не

успел он сделать шаг, как входная дверь распахнулась и Станислав увидел на пороге свою жену Наталью с крайне встревоженным лицом.

– Господи, Стас! – воскликнула супруга, потом откинулась к дверному косяку, прислонилась к нему и прижала руку к области сердца. Только тут Крячко заметил, что у нее красные воспаленные глаза, и подумал, что случилось что-то страшное.

– Что? – широко шагнул он вперед, хватая жену за плечи, но она только сглатывала слезы. Потом сказала:

– Где ты пропадал? Почему не отвечал на звонки? Я не знала что и думать! Позвонила Льву, он сказал, ты с пожарными уехал! Я все пожарные части обзвонила, все сводки о происшествиях просмотрела! А от тебя ни звука!

И она, не выдержав, закрыла глаза руками и расплакалась. И то ли оттого, что случилось это с Натальей крайне редко, то ли от осознания, что все хорошо, что все совсем не так, как он себе накрутил полувывымышленной обидой, что его не просто ждали дома, а очень даже сильно тревожились, Крячко вдруг ощутил невероятное облегчение, словно какой-то камень наконец свалился с плеч. Он торопливо взял Наталью за плечо, захлопал по нему своей широкой ладонью и быстро заговорил:

– Ну-ну-ну! Все хорошо, Натусь! Ну прости! Это я, дурак старый, телефон просто отключил, чтобы не мешали, а потом забыл включить!

– А позвонить самому нельзя было? – подняла на него Наталья заплаканные глаза.

«Можно, черт подери! Даже нужно!» – злясь на себя, подумал Крячко, тесня жену в квартиру, в тепло...

– Ну прости, прости, – повторял он. – Давай, пошли скорее домой. Я тебе обещаю – больше такое не повторится!

Он прошел в прихожую и сразу ощутил запах сердечных капель и одновременно с ним еще более острый укол совести. Сына на кухне не было, он, по словам Натальи, давно спал, так как утром рано вставать в институт. И Крячко, засыпая рядом с успокоенной женой, снова подумал: «Старый ты дурак, Станислав! И старый, и дурак!» Но подумал без горечи, а с каким-то благодостным ощущением.

Глава 3

Приехав с утра на работу на десять минут раньше, Лев Гуров с удивлением заметил, что в кабинете нет Станислава Крячко, который в последнее время завел привычку заявляться ни свет ни заря, а потом ворчать, что он работает как вол, в то время как другие валяют дурака. Гуров не понимал, с чем это связано, а Станислав на все расспросы лишь раздраженно отмахивался. Так что Гуров решил оставить его в покое.

Поэтому сегодня он был еще больше удивлен, когда Крячко появился в кабинете минут через пять после него, выглядел бодрым и свежим и, что самое невероятное, счастливым.

– Здорово, Лева! – с порога заорал он, небрежно швыряя на свой стол свежekuпленную газету «Спорт-экспресс» и, конечно, промахиваясь: газета просвистела к столу Гурова.

– Чего это ты так светишься? – поймав ее на лету, спросил Лев.

– А чего мне горевать-то? – усаживаясь за свой стол, ответил Станислав. – Все отлично!

– М-да? – скептически спросил Гуров. – С каких это пор? Станислав не успел ответить, потому что дежурный возвестил о начале планерки. А по ее окончании возвращаться к этой беседе уже не хотелось, да и некогда было. Орлов послал Гурова в какую-то контору проверить факт хищений, о

которых поступили агентурные сведения, а Крячко вынужден был отправиться с опергруппой на выезд – выяснить на месте, является ли обнаруженный сегодня на рассвете прямо на проезжей части труп криминальным. В другой раз Крячко, может, и увильнул бы от этой поездки, заявив, что не полковничье это дело, пускай сержанты разбираются, а уж если выяснят, что криминал наличествует, то он, так уж и быть, возьмется разбираться. Но сегодня настроение Крячко было приподнятым, и его обуревало желание сделать что-нибудь полезное и доброе.

Труп оказался не криминальным – просто человеку стало плохо с сердцем при переходе через улицу, отчего он и скончался на месте, упав прямо на асфальт... И Крячко даже заскучал. Когда он вернулся в кабинет, Гурова еще не было. Станислав сидел за своим столом, почитывал «Спорт-экспресс», а в голове у него почему-то крутились обстоятельства вчерашнего вечера. Хотя ничего особо серьезного в них не было, у Крячко почему-то не выходило из головы какое-то замечание.

И только когда день уже клонился к вечеру, когда «Спорт-экспресс» был прочитан от корки до корки, когда уже Гуров успел вернуться и снова уехать, Станислав вспомнил. Фраза, произнесенная Агафоновым дочери: «Ты что, забыла, что здесь женщину убили?»

Крячко не выдержал и, достав сотовый телефон, набрал номер Александра, однако тот не отвечал. Крячко заходил

по кабинету.

«Ну и что, ну и что, что убили? – вопрошал он сам себя. – Мало ли в Москве каждый день народу убивают! Ко мне-то это какое отношение имеет? Мало, что ли, своих дел по долгу службы?»

И все-таки, когда вернулся Гуров, Крячко не удержался и спросил:

– Слушай, Лева, а ты ничего не слышал о нападении на женщин в Свиблово? Со смертельным исходом.

– Нет, – пожал плечами Гуров. – Во всяком случае, на планерке ни о чем подобном не упоминалось.

– Угу, – кивнул Крячко.

Гуров смерил его внимательным взглядом и спросил:

– Что-то случилось, Станислав?

Крячко вздохнул и честно ответил:

– Не знаю, Лева. Не знаю.

...А спустя неделю Станислав Крячко понял, что не зря он беспокоился об этой ситуации. И эпизод с Мариной Агафоновой – это не просто эпизод в череде городских происшествий, а звено в определенной цепи. Это стало ему ясно, когда генерал-лейтенант Орлов вызвал их с Гуровым в свой кабинет в неурочное время и с самым серьезным видом сообщил, что в ночь с семнадцатого на восемнадцатое ноября в сквере у Капустянского пруда был обнаружен труп молодой женщины, убитой ударом ножа в сердце. И убита она была, когда возвращалась с занятий фитнесом из центра «Иде-

ал»...

Сопоставив произошедшее с нападением на Марину Агафонову, Крячко тут же сообщил об этом факте Орлову. Генерал-лейтенант долго хмурил брови, качал головой а затем сказал то ли утвердительно, то ли вопросительно:

– По всей вероятности, в районе завелся маньяк-убийца.

Гуров и Крячко никак не прокомментировали это заявление – пока рано было делать какие-либо выводы. Орлов со вздохом стал нажимать кнопки на телефонном аппарате. Затем докладывал обстановку в министерство, выслушивал, кивал, соглашался, возражал, а в конце концов, повесив трубку, сказал:

– В связи с серьезностью преступления это дело передается в главк. То есть нам. Причем заняться им должны лучшие сыщики.

И на этот раз друзья-оперативники ничего не сказали, но теперь как раз потому, что и так все было ясно. Лучшими сыщиками в Главном управлении, как известно, были полковники Лев Гуров и Станислав Крячко.

* * *

Гуров и Крячко сидели в своем кабинете и обсуждали план работы по новому делу. Они только что вернулись с осмотра места происшествия. Убитая, молодая женщина двадцати семи лет, была обнаружена около пяти утра двор-

ником-гастарбайтером. Крячко сам побеседовал с ним. Парень по имени Гасан рассказал на ломаном русском языке, что сегодня вышел на работу, как обычно, и занялся уборкой территории, когда увидел торчавшие из кустов ноги в темно-синих джинсах. Они выступали на дорожку, а верхняя часть тела была скрыта в кустах. Дворник подошел и увидел лежащую на боку девушку.

Поначалу он подумал, что девица, перепив лишнего, просто свалилась и заснула здесь, в кустах, и стал тормошить ее за плечо. Однако она не подавала признаков жизни, и он побежал по улице, громко зовя на помощь. Впервые столкнувшись с насильственной смертью, он сам был перепуган насмерть, напрочь забыв весь набор русских слов, и только размахивал руками и лопотал что-то на родном языке, пытаясь донести до встреченных прохожих всю важность произошедшего, чем еще больше пугал их. Прохожие шарахались от полоумного кавказца, и тогда он в отчаянии выскочил на дорогу и принялся махать руками. На него наконец обратил внимание постовой, хотевший было упрятать незадачливого дворника в КПЗ, чтобы успокоился, однако Гасану удалось все-таки объяснить, что его так сильно потрясло. Постовой проследовал за ним в сквер, а уже через минуту сообщил в дежурную часть о преступлении...

Девушку звали Ирина Умецкая, ей было двадцать восемь лет, и она жила в Медведково. Установить ее личность оказалось просто, поскольку у нее при себе были документы – пас-

порт, а также рабочий пропуск. Ирина работала менеджером в крупной торговой компании «Юни-сэйл», занимавшейся продажей товаров для детей.

Эксперты работали с телом, тут же суетился кинолог с собакой, тщетно пытавшийся направить ее на след, но прошедший ночью дождь, будь он неладен, не оставлял на это надежд, и расстроенный кинолог хмурился и все подбадривал пса:

– Ну давай, Граф! Давай ищи!

– Да оставь ты его в покое! – с досадой махнул рукой Крячко, видя, что пес крутится на одном месте и виновато заглядывает своему хозяину в глаза, как бы признаваясь в собственной беспомощности.

Гуров сосредоточенно курил рядом и молчал. Он уже осмотрел труп, и пока ему сказать было нечего. Основная работа должна начаться позднее, когда эксперты скажут свое веское слово, когда удастся установить родственников, друзей и коллег погибшей, когда будут выявлены хоть какие-то свидетели.

– Если будут, – вслух невесело произнес Гуров. Капля дождя упала на сигарету, та сразу же стала тугой и противной на вкус, перестала тянуть.

– Что? – спросил Крячко.

Гуров не ответил, отшвырнул не докуренную даже до половины сигарету и повернулся к другу:

– Слушай, Стас, ты рассказывал о своем друге-пожарном,

на дочку которого напали...

– Да, Агафонов его фамилия, – перебил Крячко.

– Так вот... Тогда, неделю назад, я не слишком внимательно тебя слушал, так как не думал, что нам придется этим делом заняться. А теперь припоминаю: кажется, он говорил, что здесь недавно убили женщину?

Крячко нахмурился, подумал пару секунд и кивнул:

– Да, точно. Был такой момент.

Гуров наморщил лоб и сказал:

– Нужно поднять все районные сводки о происшествиях в этом месте. А ты позвони своему Сашке, спроси, что ему еще известно.

Крячко молча набрал номер Агафопова. Александр на этот раз ответил, правда предупредил, что говорить сейчас долго не может, и Крячко, не объясняя подробностей, договорился встретиться с ним после работы.

– Порядок, в семь вечера я с ним встречусь, – сообщил он Гурову, убирая телефон в карман. – Заодно и с дочкой его еще раз побеседую.

– Где, говоришь, он от тебя ушел? – Гуров, казалось, не слушал Крячко.

Станислав посмотрел по сторонам.

– Вон там, – наконец неуверенно махнул он рукой. – Вроде бы...

– Ты что, не помнишь точно?

– Лева, а ты побегай в потемках – я на тебя посмотрю! –

возмутился Станислав. – Да еще через кусты и по дождю!

– Ладно, не кипятись, – примирительно сказал Гуров. – Давай-ка лучше пройдемся и посмотрим.

– Ты что, надеешься там что-то найти? – удивился Крячко. – Через столько дней?

Гуров неопределенно повел головой и легонько стукнул приятеля по плечу:

– Давай-давай. Заодно разомнешься. Тебе физические упражнения не помешают, сам признаешь.

Крячко подавил вздох и пошел вслед за Гуровым. Как ни странно, лаз в заборе они нашли довольно быстро, выйдя через кусты прямо к нему.

– Вон он, – радостно показал Станислав, – а ты еще говоришь, что у меня плохая память!

Гуров не ответил. Он прошел к стене, внимательно осмотрел место, где были вынуты кирпичи. Потом осветил фонариком в сторону. Там, на влажной земле, лежали сами кирпичи, сложенные аккуратной горкой. Гуров светил фонариком по стене, оглядывая ее, потом поднял голову вверх. Постоял, подпрыгнул и ухватился за край. Повисев так полсекунды, легко перемахнул на другую сторону. Крячко не без зависти наблюдал за приятелем, у которого это получилось куда более ловко, чем у него самого неделю назад. Но повторять свой подвиг ему совсем не хотелось.

Гуров появился через пару минут сзади, такой же чистый и элегантный, как и до того, как преодолел забор. Но это во-

обще была его отличительная черта – умудряться сохранять лощеный вид при любых обстоятельствах. Крячко к этому давно привык и не удивлялся. На ходу Гуров протирал руки влажной салфеткой.

– Ну и что? – со скепсисом поинтересовался Крячко.

Гуров бросил на него мимолетный взгляд.

– Поехали в главк, – только и произнес он.

Крячко сел в машину вместе с Гуровым, и Лев повернул ключ в замке зажигания. Однако почти тотчас Гурову пришлось затормозить, поскольку прямо перед машиной он заметил серьезное препятствие. Крячко тоже высунул голову в окно. Высокий седовласый мужчина двигался им навстречу, к входу в сквер, крепко сжимая ручки большой коляски. В ней сидела девушка с отрешенным лицом. Коляска была инвалидной. Старик пристально смотрел вдаль, туда, где работала оперативная группа, хотя с этого места она была плохо различима. Машины Гурова он, казалось, не замечал, думая о чем-то своем.

– Отец, в сторонку отойди на минутку, – попросил Лев.

Старик бросил на него быстрый взгляд и еще крепче сжал ручки коляски – так, что побелели костяшки. Он ничего не сказал, лишь молча развернул коляску и покатил ее в противоположную сторону от сквера.

Гуров прибавил скорость, и автомобиль, проехав через двор, оказался на центральной улице.

А потом, когда они сидели у себя в кабинете и ждали ве-

стей от экспертов, Лев сказал:

– Если бы неделю назад ты был порасторопнее, всего этого сейчас могло и не случиться.

И снова умолк, нахмурившись. Крячко не приставал сейчас к другу. Он знал, что тому вскоре предстояло крайне неприятное занятие. Полгода назад Ирина Умецкая вышла замуж, и вот с ее мужем Гуров и должен был беседовать через полчаса в кабинете, куда тот был срочно вызван с работы.

Он появился раньше назначенного времени – парень примерно ровесник Ирины, в куртке и кепке с длинным козырьком, которую от растерянности забыл снять и сделал это только в кабинете Гурова, сев на предложенный полковником стул. Гуров смотрел на его молодое лицо, на котором еще не было отпечатка горя, а было лишь удивление и недоверие. Он еще не осознал в полной мере, что его жены больше нет. И сейчас Гурову предстояло его в этом убедить, внушить, вбить в его голову это обстоятельство раз и навсегда. Он знал, что после беседы с ним Умецкий уйдет из его кабинета с совсем другим выражением лица.

Звали его Алексей, и он послушно, механически отвечал на вопросы Гурова. Да, его жена Ирина посещала фитнес-центр «Идеал». Она стала туда ходить примерно месяц назад, потому что вообразила, что поправилась, и хотела к Новому году привести себя в форму. Так как работала Ирина допоздна, она отправлялась в фитнес-центр не заезжая

домой и возвращалась всегда поздно. Обычно муж встречал ее, но раз в неделю он сам работает в ночную смену, поэтому вчера встретить Ирину не смог. По этой же причине он не знал, что супруга его дома не ночевала. Позвонив и не дождавшись ответа, он решил, что она очень устала и легла спать. Сегодня, отдежурив смену, он уже собирался домой, когда вдруг ему позвонили и сообщили, что просят приехать в Главное управление МВД по факту гибели его жены.

«Кто, интересно, додумался сообщить ему это в такой форме? – неожиданно со злостью подумал Гуров. – «По факту гибели жены!» Обязательно выясню, кто у нас такой умный, и лично научу, как сообщать подобные вещи!»

Гуров в душе кипятился, хотя... Хотя он, проработав больше четверти века с делами об убийствах, до сих пор сам не знал, как правильно сообщать такие новости. Как ни подслащивай пилюлю, она все равно горька.

«Но не так же! – раздраженно думал полковник. – Не столь протокольно!»

А сам говорил вслух, стараясь, чтобы голос его звучал ровно, без всяких эмоций:

– Расскажите, когда вы в последний раз видели свою жену?

– Вчера, – тут же ответил Алексей. – Вчера утром, когда она уходила на работу.

Умеккий еще говорил, рассказывал о своей жизни с Ириной, об их отношениях и планах на будущее, и было во всем

этом что-то нелепое – говорить о планах человека, которого больше нет. И все планы, надежды и чаяния, все, чем еще вчера жила эта девушка, сегодня полностью лишено смысла.

Гуров выяснил, что Ирина коренная москвичка, как и ее муж, что познакомились они с Алексеем два года назад, а поженились весной, дождавшись покупки квартиры. Для этой операции родителям Ирины пришлось продать свою трешку в центре и купить двухкомнатную на окраине, родителям Алексея – расстаться с новым автомобилем, а им с Ириной еще два года копить, чтобы добавить необходимую сумму и приобрести скромную квартирку в Медведково.

Он также сообщил, что Ирина была довольна занятиями в центре «Идеал», что новых друзей у нее там не появилось, потому что прозанималась она совсем недолго, что ни о ком ничего подробно она не рассказывала и никого особенно не выделяла. Обычные занятия. То есть выходило, что человек, убивший ее, – лицо, скорее всего, случайное и ей не знакомое. Но что ему было нужно? Зачем он ее убил? И зачем убил предыдущую жертву, если, конечно, это один и тот же человек? И кто она, эта жертва? Данных по этому делу Гуров пока не получил...

Словом, ответов на эти вопросы пока не было, а их, этих вопросов, становилось все больше и больше. Гуров очень рассчитывал на сегодняшнюю встречу Крячко с приятелем, а также на результаты экспертизы и показания свидетелей. Но вот ведь заковыка – и свидетелей-то не было!

И полковник, опросив Алексея Умецкого и простившись с ним, решил отправиться в фитнес-центр «Идеал», чтобы побеседовать с персоналом и клиентами. Хотя от клиентов пока толку мало – те, что занимались вместе с Ириной, приходили на занятия вечером и через день. Значит, сегодня днем их там не будет. Что ж, придется выяснять всех поименно, просить администрацию составить полный список и беседовать с каждым по отдельности, кого-то вызывая к себе, к кому-то наведываясь на службу или домой. Словом, начиналась обычная рутинная работа.

Гуров усмехнулся, подумав, как ошибочно мнение, что вся работа сыщика-оперативника заключается только в погонях, драках и перестрелках – сплошном экшене. На деле выходило, что основная часть этой работы проходит за чтением бумаг, получением телефонограмм и в беседах со свидетелями. И от этого в большей степени зависит благоприятный результат всего процесса. А ради результата Гуров и трудился, а не ради острых ощущений, свойственных юности и неопытности.

* * *

Директора фитнес-центра «Идеал» звали Эмма Эдуардовна Гришаева. Это была высокая жгучая брюнетка, хорошо развитая физически. Было очевидно, что основная часть жизни этой весьма интересной внешне женщины была по-

священа спорту. Скорее всего, с раннего детства. Вот только для фитнеса она показалась Гурову несколько крупноватой. По его представлению, женщины, занимающиеся фитнесом, – создания легкие, даже невесомые. И само слово «фитнес» ассоциировалось у него с чем-то воздушным и прозрачным. Эмма Эдуардовна же была воплощением энергии, пышущего здоровьем и несомненной физической силы. Она поприветствовала Гурова глубоким контральто и предложила сесть. Тон ее был любезным и в то же время деловым.

– Рады вас приветствовать в нашем центре. Какое счастье, что в наше время есть мужчины, озабоченные сохранением формы, – улыбаясь, проговорила она. Она, видимо, приняла Гурова за потенциального клиента, что неудивительно: полковник не стал звонить в центр и предупреждать о своем визите. Он и сам по дороге сюда не знал, с чего начнет беседу. Директор, оказавшаяся на рабочем месте, показала ему вполне подходящей кандидатурой для попытки прощупать почву. – Впрочем, вы выглядите неплохо, – отметила она, профессиональным взглядом окидывая стройную фигуру сыщика с головы до ног. – Чувствуются регулярные тренировки. Что ж, это достойно уважения. И тем более похвально ваше желание держать себя и дальше в тонусе и обратиться к специалистам. Можете не сомневаться, мы подберем для вас индивидуальную программу, следуя которой вы уже через три недели почувствуете себя лет на пять моложе.

– Вы владеете секретом эликсира молодости? – обаятель-

но улыбнулся Гуров.

– Можно и так сказать, – серьезно ответила Гришаева. – Собственно, в секрете эликсира молодости ничего магического нет. Спорт, правильное питание – вот вам и обеспечено здоровье и долголетие. На что бы вы хотели обратить внимание – мышцы пресса, осанку, бицепсы?

Гуров промолчал, и она тут же протянула ему брошюрку, в которой были напечатаны программы, представленные фитнес-центром. Гуров небрежно взял листки, а Гришаева продолжала:

– Обычно я рекомендую начать с общеоздоровительной гимнастики и постепенно переходить на более сложную программу. Но у вас все в тонусе, вам можно не тратить время на подготовку и сразу приступать к серьезным занятиям.

– Кажется, мне знакомо название вашего центра, – чуть наморщив лоб, проговорил Гуров, припоминая.

– Ну, это неудивительно! – не без самодовольства констатировала Гришаева. – Наш центр хорошо известен, он один из лучших фитнес-центров столицы. Вы не смотрите, что он совсем новый и клиентов и сотрудников пока не так много, как хотелось бы. Мы собираемся расширяться!

– Вы только при клиентах этого не говорите, – улыбнулся Гуров.

– Почему? – удивилась Гришаева.

– Ну, подберите другую формулировку. Просто в устах директора заведения, клиенты которого, наоборот, стремят-

ся «сузиться», ваша фраза звучит пугающе... – Гуров сделал страшные глаза, а потом рассмеялся.

– Ах, это... – пробормотала Эмма Эдуардовна. – Ерунда! Вы отлично меня поняли – поймут и другие. Ладно, я буду следить за формулировками. А пока могу вам рассказать все об истории его создания и о его сотрудниках.

– Вообще-то, Эмма Эдуардовна, мне бы хотелось...

– О, не волнуйтесь! – перебила собеседника директор. – У нас все тренеры – грамотные профессионалы с опытом работы. Они моментально ориентируются, как говорится, на месте, учтут ваши особенности и разработают комплекс упражнений. Точнее, подкорректируют уже существующие. Ведь все методики специально разработаны и рассчитаны на разные возрасты, особенности организма и прочее. А нашим специалистам остается правильно подобрать курс занятий.

– Я не об этом, Эмма Эдуардовна... – попытался перейти к интересующей его теме Гуров, но Гришаева снова перебила его:

– Цены у нас не выше, чем в других подобных заведениях. А гибкая система скидок и вовсе предусматривает, чтобы оплата наших услуг не слишком ударила по вашему кошельку. К тому же повторяю: наши тренеры – опытные профессионалы, мастера своего дела, так что вы останетесь довольны результатом занятий. И потом, вы же образованный человек и понимаете, что на здоровье не стоит экономить.

«Цепкая дамочка, – отметил Гуров. – Грамотная. Зна-

ет, как развести клиента. Ненавязчиво, но в то же время неуклонно ведет его к готовности раскошелиться. Все эти этические манипуляции, говорящие «ну мы же с вами умные люди и не станем принимать всерьез такие пустяки, как лишние пять-десять тысяч, когда речь идет о здоровье». И ведь знает, куда бить: многие не в силах устоять против этого прессинга, особенно когда он осуществляется привлекательной женщиной. Кому захочется в ее глазах выглядеть необразованным жмотом? И при этом не понимают, что их просто, как в подростковом возрасте, берут на «слабо». Но на то она и хозяйка. Ее интересует результат – получение денег за свои услуги. А клиента – получить свой результат в виде обновленной фигуры. А меня как полковника МВД волнует свой результат...»

– И все же как приятно видеть в числе своих клиентов мужчин! – с удовольствием произнесла Эмма Эдуардовна, заметив, что Гуров полез в карман, и, видимо, решив, что он собирается расплатиться за абонемент.

– Что, редкие гости? – усмехнувшись, спросил Гуров.

– Ну, женщин у нас занимается все же больше, – признала Гришаева.

– А есть среди ваших клиентов мужчина, который носит широкий плащ, похожий на балахон?

Гришаева застыла, ее черные соболиные брови взлетели вверх. Она явно не ожидала подобного вопроса.

– Я вообще-то не присматриваюсь, кто в чем приходит, –

медленно произнесла она. – В зале клиенты появляются, уже переодевшись в форму.

– А среди сотрудников? – спросил Гуров.

Брови Эммы Эдуардовны опустились и сдвинулись. Посмотрев Гурову прямо в лицо, она спросила:

– Вы откуда?

Гуров наконец вытащил из кармана руку с зажатым в ней удостоверением и молча положил его перед директрисой. Эмма Эдуардовна внимательно его изучила, прикусила вишневого цвета губу, чуть помолчала и сказала:

– Жаль...

– Что? – не понял Гуров.

– Это означает, что вы не станете у нас заниматься, – кивнула она на удостоверение Гришаева. – А я уже рассчитывала...

– На что? На получение прибыли? – усмехнулся Гуров.

– Не в этом дело! – махнула рукой Эмма Эдуардовна. – Уже рассчитывала полностью укомплектовать группу из хорошо тренированных мужчин. У нас Борис Васильевич как раз формирует группу, вы подходите по возрасту и по физическим данным. Видите ли, я рассчитывала дать рекламу на телевидение – собственно, она уже есть, – но мне хотелось отснять целую программу, посвященную нашему центру. Только в ней должны выступать не тюфяки, а хорошо тренированные люди. Чтобы было видно, каков результат наших усилий. Нужны подходящие экземпляры, вы показались

мне вполне достойной кандидатурой.

– Что ж, вынужден вас разочаровать, – сухо сказал Гуров. – Я к вам по другому вопросу.

– Я уже поняла, – устало кивнула Гришаева. – Ну так не томите, очень интересно узнать по какому. И даже лестно – сам полковник МВД посетил мой центр.

– Ну, боюсь, что предмет лести не слишком приятный, – заметил Гуров. – Вам знакомы факты нападения на женщин, занимающихся в вашем центре? Факты убийств? – подчеркнул он.

Лицо Гришаевой омрачилось. Постучав ногтем по столу, сказала в сторону:

– Я слышала только об одном убийстве. Иры Умецкой. Почему вы говорите во множественном числе, мне непонятно.

– Потому что в мае была убита Светлана Лихачева.

Гуров достал из кармана снимки и положил их перед Гришаевой. Это были фотографии с места убийства Светланы Лихачевой, полученные им сегодня перед обедом вместе с другими материалами по этому делу. Светлана скончалась от удара ножом в область сердца.

Гришаева быстро, словно колоду карт, пролистала снимки, резко подвинула их обратно полковнику и, пожав плечами, спокойно произнесла:

– Но я не знала Светлану Лихачеву. В нашем центре женщина с таким именем не занималась.

– Вот как? – Это было для Гурова новостью. Он не успел

пока подробно ознакомиться с материалами дела по убийству Лихачевой, знал лишь, что ее труп был обнаружен на территории проезда Нансена, неподалеку от сквера.

– Поэтому, я думаю, целесообразно говорить все-таки об одном убийстве, – поправила полковника Гришаева. – Но я не понимаю, чем могу быть вам полезна. Ясно же, что это никак не связано с нашим заведением.

– Почему вы в этом так уверены? – поинтересовался Гуров.

– Это же очевидно, – пожала плечами Гришаева, – какой-то маньяк просто ошивался в сквере. Подждал свою жертву, ею оказалась Ира. Но ею вполне могла оказаться и любая другая женщина, просто возвращавшаяся в то же время через сквер. Место, признаюсь, в этом плане нехорошее. Во всех остальных – просто замечательное. Понимаете, сквер, как и наш центр, построили совсем недавно, здесь еще не оборудована как следует территория. В частности, слабое освещение. Я как раз бьюсь над этой проблемой, требую, чтобы городские коммунальные службы оснастили нас современными фонарями.

– Ваше радение о благоустройстве территории очень похвально, Эмма Эдуардовна. И все же попрошу вас отнестись с не меньшей серьезностью к тому, что случилось.

– А что случилось? – повысила голос Гришаева. – Такое происходит сплошь и рядом в Москве, на каждом шагу! Почему наш центр должен представляться каким-то источни-

ком зла? Ведь о нем может сложиться превратное мнение! Вы понимаете, какой это удар по нашей репутации? После нападения на Марину и так поползли слухи – абсолютно, конечно, беспочвенные, но тем не менее! Народ вообще может разбежаться!

– Эмма Эдуардовна! – резко перебил собеседницу Гуров. – Боюсь, вы все же не совсем хорошо меня поняли. Совершенно убийство, понимаете? Убийство! – Это слово Гуров произнес громко и жестко, и директриса невольно вздрогнула. – Вы не раз подчеркивали в беседе, что человек грамотный. Так вот, могли бы сообразить, что полковник МВД, оперативник по особо важным делам, не стал бы посещать вас от нечего делать или ради ознакомления с вашим прекрасным интерьером! – Гуров обвел рукой пространство кабинета, сверкающего новизной. – Я расследую тяжкое преступление, и возможная антиреклама вашего заведения меня волнует в последнюю очередь!

Его тон все-таки заставил Гришаеву смутиться.

– Извините, – пробормотала она. – Но нам действительно не нужна антиреклама. Конечно, я понимаю, что убийство нужно раскрыть, и...

Открылась дверь кабинета, и на пороге показалась женщина средних лет, одетая в униформу. В руках она держала ведро с водой и рабочий инвентарь. Увидев в кабинете постороннего, она остановилась у двери и вопросительно посмотрела на Гришаеву. Директриса недовольно поморщи-

лась и сказала:

– Анастасия Николаевна, я же просила вас не входить без стука!

– Простите, Эмма Эдуардовна, я все время забываю, – ответила та абсолютно ровным голосом. – К тому же стараюсь всегда сделать работу в срок и не отвлекаться. Вы же сами предупреждали, что чистота должна быть постоянной.

Лицо у женщины было какое-то невыразительное, и двигалась она бесшумно.

«Видимо, профессиональное, – усмехнулся про себя Гуров. – У нас сегодня целый день звучит это слово – профессионализм».

– Ну хорошо, хорошо, – раздраженно сказала Гришаева, поправляя гладкую прическу. – Делайте свои дела, только поскорее, пожалуйста. У меня важная беседа.

Анастасия Николаевна, ни слова не говоря, принялась полировать влажной тряпкой ламинированный пол.

Гуров вернулся к прерванному разговору.

– Вот давайте этим и займемся, – сказал он. – И начнем со вчерашнего вечера. То есть семнадцатого ноября. Расскажите мне об этом вечере.

– Он был обычным, – пожала плечами Гришаева.

– Во сколько ушли лично вы?

– Сразу после одиннадцати.

– И куда отправились?

– Домой, куда же еще?

– На своем автомобиле?

– Да.

– Кто оставался в помещении после вашего отъезда?

Гришаева сдвинула брови:

– Первым уехал Костя Широков, я видела, как он отъезжал. Потом Оля Шестакова. Оставалась Катя Гордина, но она вообще частенько задерживается, потому что за ней заезжает муж, а у него график работы скользящий и он то приезжает раньше, то задерживается.

– А клиенты?

– Ну, я не слежу за каждым клиентом! – недовольно отозвалась директриса. – Тоже стали разъезжаться, как обычно.

– Никого постороннего на территории вы не заметили?

– Нет.

– Скажите, у вас есть клиенты, которые занимаются довольно долгое время?

Гришаева ответила:

– Конечно, такие есть.

– Я попрошу у вас полный список всех клиентов, с адресами, номерами телефонов и датой прихода в ваш фитнес-центр. Кроме того, список ваших сотрудников, вплоть до уборщицы.

Эмма Эдуардовна немного подумала – миссия не представлялась ей слишком приятной, – но все же в знак согласия кивнула. Анастасия Николаевна закончила свою работу, неслышно переместившись к двери кабинета, и так же неза-

метно вышла, словно и не проводила никакой уборки. Гуров даже не заметил, чтобы она потревожила его во время мытья полов и протирания шкафов.

– Каким образом охраняется ваше здание? – спросил он Гришаеву.

– Оно на сигнализации. Тот, кто уходит последним, включает ее. Обычно это либо уборщица, либо Катя... Екатерина Гордина, я хотела сказать.

– Территория сквера не запирается на ночь?

– Нет, проход свободный.

– Хорошо, – постукивая пальцем по столу, подвел предварительный итог беседы Гуров. – Теперь давайте перейдем к вашим сотрудникам. Вы были готовы рассказать мне о высочайшем профессионализме каждого из них. Признаюсь, этот пункт меня волнует мало, а вот охарактеризовать каждого как человека я вас попрошу.

Гришаева поджала губы и пробормотала:

– Я всегда была против сплетен, но...

– А мне сплетни и не нужны, – холодно остановил ее Гуров. – Меня интересуют сведения. Итак, давайте по порядку...

По порядку выходило, что в фитнес-центре постоянно числятся пять тренеров, включая саму Эмму Эдуардовну. Она вела две женские группы, которые занимались каждый день, кроме воскресенья.

– По воскресеньям у нас только дневные группы, там от-

дельная клиентура, и их ведут другие сотрудники, – сообщила она и добавила, словно оправдываясь: – Нужно же и мне отдыхать хотя бы раз в неделю.

Оставшаяся команда тренеров состояла из двух мужчин и двух женщин: Константина Широкова, Бориса Полищука, Екатерины Гординой и Ольги Шестаковой. Каждому из них Гришаева дала положительную характеристику. Гуров понимал, что она необъективна, и знал, что ему обязательно придется поискать другой источник информации, чтобы сравнить, насколько отличается она от мнения директрисы.

Дальше пошли факты, в которых Гришаевой уже сложно было быть пристрастной, и их Гуров выслушал внимательно. Первыми пришли работать в центр Гордина и Шестакова – около полутора лет назад. Шестакова занималась спортом профессионально, а Гордина на предыдущем месте работала не по специальности, а занималась, кажется, рекламным бизнесом. Однако уровень ее подготовки оказался удовлетворительным, к тому же Гришаева нуждалась в новых сотрудниках, и Гордина была принята на работу. Потом спустя полгода подтянулся Полищук. Последним минувшей весной пришел в «Идеал» Константин Широков. Весь персонал Гришаеву вполне устраивал.

Кроме тренеров в штат входили бухгалтер, совмещающая также свои обязанности с обязанностями юриста, и уборщица. Все. Больше сотрудников в фитнес-центре «Идеал» не было. Имелись лишь проходящие по воскресеньям тренеры,

работающие по договору. Ими в выходной день руководила Екатерина Гордина.

– Но ведь ваш заместитель, кажется, Борис Полищук? – уточнил Гуров.

– У него и так обязанностей хватает, – пояснила Гришаева. – Не может же он без выходных работать. А у Кати два выходных среди недели. К тому же она не слишком занята дома, у нее нет детей.

– А у вас? – полюбопытствовал Гуров.

– У меня уже довольно взрослая и самостоятельная дочь. Она не требует постоянного присутствия мамы, и даже, кажется, рада его по возможности избежать, – невесело усмехнулась Гришаева. – Кстати, вот личные дела наших работников, можете предварительно ознакомиться, а я пока вам их всех опишу.

Гуров взял материалы, в которых были и фотографии, и стал просматривать.

Константину Широкову было двадцать пять лет, и он был весьма привлекателен. Во всяком случае, у слабой половины человечества он явно пользовался успехом. Голубоглазый брюнет, с ямочкой на подбородке, некая женственная миловидность, которая, впрочем, компенсировалась мужественным подбородком и темными бровями. А в сочетании с накачанной, рельефной фигурой этого и вовсе было достаточно, чтобы дамы «западали» на него.

– Общий любимец, – подтвердила Гришаева, наблюдая за

Гуровым.

Широков пришел работать в фитнес-центр после того, как по окончании института физкультуры год промучился в одной из столичных школ и твердо решил, что работа с детьми – это не для него.

– Костя явно не педагог, – улыбаясь какой-то материнской улыбкой, сказала Гришаева. – Он умеет ладить только со взрослыми. Но уж зато отлично!

Гуров уже понял, что все сотрудники Гришаевой были образцами профессионализма и вообще самыми лучшими людьми на свете. Столь же хвалебные отзывы в свой адрес получил и Борис Полищук – тридцати семи лет, брутальный мужчина с модной щетиной на щеках. В нем отсутствовала миловидность Широкова, это был совершенно иной типаж, грубоватый и маскулинный. Однако и он был по-своему привлекателен. Особенно подкупал его взгляд, очень уверенный в себе. Женщины наверняка считали его «настоящим мужчиной» и были счастливы иметь такого кавалера.

До прихода в фитнес-центр Борис трудился в строительной фирме с незатейливым названием «Стройпласт» «специалистом по приему товара», как значилось в документе. Проживал Борис один, женат никогда не был, детей не имел.

Ольга Шестакова – совсем молоденькая сотрудница, всего девятнадцать лет. Без высшего образования, работать тренером она стала после того, как оставила большой спорт из-за полученной на тренировке травмы колена. По словам

Гришаевой, это обстоятельство, конечно, наложило отпечаток на характер Ольги: посвятить всю жизнь художественной гимнастике, добиться определенных рекордов и иметь все шансы на победу в мировых чемпионатах – и вдруг разом потерять все перспективы в восемнадцать лет. Ольга Шестакова переживала свое горе молча, с коллегами была равна и сдержанна, никогда ни с кем не делилась своими переживаниями, не рассказывала об обстоятельствах личной жизни, не задерживалась после занятий и сразу по их окончании стремилась покинуть здание фитнес-центра. Худенькая, даже щуплая, волосы собраны в хвост, на фото она выглядела какой-то нервной и неуверенной в себе.

Екатерина Гордина, напротив, казалась очень успешной женщиной, знающей себе цену. Серые глаза смотрели из-за тонкой оправы очков несколько высокомерно, как показалось Гурову. По свидетельству же Гришаевой, она была очень простой и обаятельной и клиенты ей симпатизировали.

– Катя с ними ведет себя на равных, – кратко пояснила она.

Гуров собирался задать следующий вопрос, но был прерван звонком мобильного телефона. Гришаева, извинившись, ответила:

– Да, да... Готово? Очень хорошо. Да, сегодня заберу. Когда? Ну... вечером. До шести? Да, я помню. Ну хорошо, хорошо, я постараюсь! – раздраженно сказала она и быстро за-

вершила разговор. Потом бросила настороженный взгляд на Гурова.

– Проблемы? – спросил тот.

– Что? – думая о своем, отозвалась Эмма Эдуардовна. – А, нет, все в порядке. Обычные бытовые мелочи. Так что вы еще хотели у меня спросить?

– Да уже только то, когда удобнее было бы побеседовать с каждым из ваших сотрудников.

– Вечером, конечно, – не задумываясь, ответила Гришаева. – После шести.

– Хорошо, – поднимаясь, сказал полковник. – Вечером я вас навещу еще раз. Так что не прощаюсь, Эмма Эдуардовна!

И, обаятельно улыбнувшись, пошел к двери. Гришаева проводила его хмурым взглядом...

В коридоре протирала тряпкой шкафы уборщица. Гуров на секунду остановился, потом решительно двинулся к ней.

– Скажите, вы по вечерам остаетесь убираться? – вежливо поинтересовался он.

– Да, – без эмоций ответила та.

– Вспомните вчерашний вечер. До которого часа вы были в центре?

– Вчера освободилась рано, потому что успела все убрать во время вечерних занятий, – последовал ответ. – Народу мало было – сейчас эпидемия гриппа началась, многие болеют. Так что чисто все было. Я только быстро протерла полы в раздевалке.

– Вы знаете такую девушку – Марину Агафонову? – спросил Гуров.

Уборщица механически кивнула, продолжая равнодушно протирать шкафы.

«Что ж такая неразговорчивая-то! – подсадовал Гуров. – Впрочем, может быть, ей и сказать-то нечего». Однако решил все-таки продолжить разговор:

– Вспомните вечер десятого ноября, это было неделю назад. В тот день Марина уходила домой одна?

Гуров не слишком надеялся, что уборщица вспомнит такие детали, однако она уверенно ответила:

– С Соней Лужиной. Она тоже здесь занимается.

– Они дружат, да? – дружелюбно спросил Гуров.

– Да, в общем, нет, – ответила Анастасия Николаевна. – С чего? Познакомились только здесь и живут в разных районах. Соня на метро ездит. А Марина здесь рядом живет.

«При своей необщительности она неплохо осведомлена», – с удивлением подумал Гуров.

– А что же тогда вместе пошли, если им в разные стороны?

Уборщица усмехнулась:

– С Костей она разговаривать не хотела.

– С каким Костей? – поднял брови полковник.

– С Костей Широковым, тренером нашим.

– Та-ак... – Гуров заинтересовался. – А почему не захотела?

Анастасия Николаевна откинула светлую прядь со лба и,

выпрямившись, посмотрела Гурову в лицо:

– А вам Эмма Эдуардовна не рассказала?

– Нет.

– Ну так спросите у нее, – пожала она плечами, снова отворачиваясь и принимаясь за другой шкаф. Потом все же добавила: – Ухаживал он за ней.

– Кто? Широков? – уточнил полковник.

Уборщица лишь кивнула и принялась с особой тщательностью тереть стекло, всем своим видом давая понять, что больше на эту тему она говорить не желает. Гуров обернулся, посмотрев на дверь кабинета Гришаевой. Постоял немного в раздумчивости и двинулся к лестнице. Спустившись вниз, достал телефон и набрал номер Станислава Крячко.

– Слушай, Стас, когда поедешь к своему Агафонову, обязательно поинтересуйся, в каких отношениях его дочь была с Константином Широковым. Это тренер из фитнес-центра, запиши!

– Да мне без надобности, я отлично помню! – хохотнул Крячко. – Что, наш клиент?

– Пока не знаю. Ладно, все!

И Гуров тут же набрал другой номер. Он позвонил в отдел, продиктовал номер сотового телефона Эммы Эдуардовны Гришаевой, взятый у нее вместе с данными на других сотрудников, и попросил срочно сделать распечатку звонков – входящих и исходящих. Кроме того, потребовал пробить по базе Широкова Константина Дмитриевича, пока лишь на

предмет того, не встречается ли он там вообще. Затем сел в свой автомобиль и поехал в Главное управление.

Глава 4

Станислав Крячко отправился к Александру Агафонову. Выйдя из метро на одну станцию раньше, он специально решил пройти через сквер. Времени было около семи часов вечера, здание фитнес-центра светилось огнями – там шли занятия и из приоткрытых окон доносились звуки ритмичной музыки.

Крячко не спеша шел по дорожке. На том месте, где был найден труп Ирины Умецкой, он остановился. Разумеется, работа опергруппы давным-давно была закончена, и сейчас, в вечерней тихой прохладе, об утренней трагедии напоминал лишь очерченный мелом контур девичьего тела на асфальте.

Крячко подошел ближе, понимая, что все уже проверено самым тщательным образом – он и сам присутствовал при этом утром вместе с Гуровым, и они с оперативниками и экспертами обследовали каждый сантиметр. И тем не менее подошел...

Да, вот так она и лежала – ноги на асфальте, туловище в кустах. И контур очерчен только до половины, дальше была влажная земля, на которой мел не рисует. Там тело было обведено чем-то острым прямо по земле. Крячко постоял, задумчиво глядя на кусты и пытаясь представить себе, как все происходило. Ирина наверняка шла по дорожке. На нее напали со стороны этих кустов, зажали рот, потащили туда...

А там уже и зарезали. Значит, он подждал ее специально?

Крячко достал из кармана прихваченный с собой фонарик и посветил им на кусты. Ничего, никаких обрывков одежды, пуговиц, орудия преступления – ничего убийца не оставил ни на этих кустах, ни на земле. Что ж, такие улики в действительности встречаются намного реже, чем в детективных фильмах. И времена Шерлока Холмса, когда преступники еще не были столь компетентны в криминалистике, как сейчас, и охотно оставляли пепел от сигарет, сами окурки и даже личные вещи, канули в Лету. Прославленному сыщику в наши дни было бы куда тяжелее применять дедуктивный метод – слишком мало вещественных доказательств, являющихся главной базой. Это Лева Гуров может строить версии, основываясь на психологизме и каких-то незримых логических умозаключениях. Крячко же любил опираться на материальные улики. А их не было.

Крячко выпрямился и выключил фонарик. Неожиданно мелькнула мысль и вдруг ускользнула. Он напряг мозг, переводя взгляд с кустов на дорожку, пытаясь вновь ухватить ее.

Гул, донесшийся с противоположного входа в сквер, прервал мыслительный процесс. Сюда шли какие-то люди и возмущенно разговаривали.

– ...Вот вы и напишите об этом! Предостерегите других людей! – донеслась до него фраза.

– И полицию заодно подстегните! – поддержал говорившего другой голос.

– Да что на полицию надеяться? – возразил третий. – Самим надо себя защищать! Я уже давно понял: в России можно надеяться только на себя!

– Ну, это вы зря так говорите! – обиженно протянула какая-то женщина. – В России испокон веков все на поддержке людей держалось! А поодиночке никак! Это вон в Америке каждый сам за себя...

– И мы к этому же идем!

– А я и не предлагаю поодиночке. Я предлагаю лишь, не надеясь на помощь полиции, объединить наши с вами усилия, – примирительно добавил один из голосов.

Крячко с досадой сплюнул. Мысль ускользнула-таки, и о том, чтобы додумывать ее сейчас, и речи не было: по дорожке двигалась целая процессия. Она состояла из мужчин и женщин разных возрастов, возмущенно переговаривающихся между собой, и Крячко пока не мог понять, что это все означает.

– Тише, господа, тише, говорить будем по одному и когда я скажу, хорошо? – предупредил какой-то человек, шедший в центре. – Мы, кажется, уже пришли.

– Да вон это место! – показал кто-то.

В руках одного из членов процессии оказался фонарь, луч которого осветил Крячко.

– Ого, а это кто? – удивленно протянул кто-то из мужчин. – Эй, ты что там делаешь?

– Да это ж он, гад! – вскричал еще кто-то. – Держи его,

ребята!

Крячко не успел моргнуть глазом, как вся толпа бросилась ему навстречу. И судя по стремительному натиску, настроена она была вполне решительно и серьезно. Станислав заметил, как в руках у одного из бегущих появился камень, а у другого – что-то похожее на нож...

От подобной атаки спасаются двумя способами – бегством либо ответным нападением. Первый способ Крячко сразу отмел: не к лицу полковнику полиции удирать от группы обывателей. Для второго у него было маловато ресурсов – толпа имела явное численное преимущество. Краем глаза он заметил, что от толпы отделился один человек, который вдруг вскинул на плечо фотокамеру и принялся быстро снимать происходящее. Крячко напряг голосовые связки и громко крикнул:

– Всем стоять! Полковник Крячко, Главное управление МВД! Что здесь происходит?

Толпа на миг ступсевалась, сбавив темп и образовав небольшую заминку и толкотню.

– Не верьте ему, ребята! – опомнившись, возбужденно крикнул мужчина, бегущий первым и сжимавший камень. – Зубы заговаривает!

Толпа, которой всегда необходим вожак, приказы которого она выполняет, вновь ринулась вперед. Снимающий остался на месте, продолжая водить своей камерой. Бегущий впереди поднял руку, намереваясь метнуть камень в Крячко.

Станислав побагровел и сунул руку под куртку. Он быстро достал пистолет и, вскинув руку, проревел:

– Всем назад! Стреляю первый раз в воздух, второй на поражение! Назад! Всем назад, я сказал!

И яростно щелкнул затвором.

Толпа отхлынула назад и затопталась на месте. От вида оружия уверенность потерял и ее лидер. И сразу же все единство нарушилось, рассыпалось – так всегда бывает, когда стадо лишается вожака. В повисшей тишине слышен был лишь чей-то бодрый голос, вещавший в пустоту:

– ...События тем временем разворачиваются нешуточные, мы видим, как неизвестный достал оружие, угрожая мирным жителям микрорайона. Напоминаю, что сегодня утром, семнадцатого ноября, в сквере у Капустянского пруда было обнаружено тело девушки. Это уже не первый криминальный случай в этом районе. Жильцы окрестных домов обеспокоены сложившейся ситуацией и особенно бездействием полиции и в знак протеста вышли сегодня на импровизированный митинг.

Крячко уже понял, что этот тип – представитель одной из самых несимпатичных ему профессий, журналист.

«Везде пролезут!» – неприязненно подумал он.

Боковым зрением он уже успел разглядеть тараторящего в микрофон человека. Это был довольно молодой человек, одетый в плащ, который Крячко мысленно назвал пижонским. Головного убора на нем не было – видимо, он следо-

вал негласной традиции, установленной на телевидении, – корреспонденты, ведущие репортажи с открытого пространства, всегда должны быть с непокрытой головой, несмотря ни на какие природные коллизии – мороз, снег, дождь... И это Крячко тоже считал типичным пижонством. Тем более что в данной ситуации оно было излишним: самого журналиста никто не снимал, поэтому было без разницы, в шапке он, кепке или цилиндре.

«Граду бы на тебя килограммового, – пожелал Крячко. – Вот ведь нахальный тип! Тут заваруха происходит, а ему хоть плюй в глаза – снимает себе, да еще и в микрофон говорит. Ну, сейчас я ему...»

– Эй, ты! – довольно грубовато обратился он к журналисту. – Выключай свою шарманку!

Фраза Крячко, однако, не остановила журналиста, наоборот, еще больше подстегнула его, и он затараторил в микрофон поразительно быстро, говоря что-то о том, как сотрудники полиции для сокрытия собственной некомпетентности пытаются сорвать работу жаждущих правды корреспондентов. Более того, журналист сделал шаг вперед и навел камеру прямо в лицо Крячко, громко возвещая о том, что тот отказывается разговаривать с требующими объяснений жильцами и угрожает им пистолетом.

Этого Крячко уже стерпеть не мог. Хрустнув челюстями, он шагнул вперед и с размаху впечатал свой кулак прямо в камеру. Раздался треск, затем звон, и на землю посыпались

осколки стекла и пластика. Это моментально изменило настроение журналиста. Он быстро повернул к себе камеру, смотревшую на него пустым глазом, и растерянно перевел взгляд на ее обломки внизу. Не в силах поверить, что произошло непоправимое, он еще потряс ее, лихорадочно нажимая какие-то кнопки, пока не убедился, что камера сломана. Это повергло журналиста в еще большую растерянность, и он уставился на виновника своей потери, который стоял перед ним с суровым видом, не опуская пистолета.

– Ты... Ты что творишь? Ты... Ты же сломал ее, сломал! – захлебываясь, закричал журналист, потрясая камерой.

Притихшая толпа испуганно глазела сзади.

– Скажи спасибо, что я тебе нос не сломал, – невозмутимо проговорил Крячко, убирая пистолет.

Он уже понял, что и толпа, и подстегивавшие ее люди, включая незадачливого журналиста, деморализованы и ждать от них агрессии не придется. Посему пистолет уже был лишним.

– Я... Да я... Да ты знаешь, что тебе за это будет? – заорал журналист.

– Во-первых, ты мне не «тыкай», сынок, – грозно произнес Крячко. – Я тебя предупреждал, что я из МВД? Предупреждал! Я просил отойти и не мешать? Просил! А ты мне не внял. Поэтому слушай меня внимательно и запоминай: здесь сейчас проводились оперативно-розыскные мероприятия. Официально проводились, понял? А вы все... – Крячко

обвел взглядом притихшую толпу, – своим вмешательством их сорвали. Подстрекаемые этим вот, – Крячко с презрительным видом кивнул в сторону журналиста, – доморощенным кинолюбителем! Он вас сбил с панталыку, и вы пытались совершить нападение на сотрудника правоохранительных органов. На полковника МВД! Такие вещи, если вам неизвестно, караются по закону.

И Крячко со значением умолк. Толпа безмолвствовала. Но на всякий случай подалась назад, как бы давая понять, что журналист сам по себе и они к нему никакого отношения не имеют, равно как и к его проблемам.

– Мы же не знали... Про мероприятия, – подал наконец голос один из мужчин – худощавый, лет тридцати, интеллигентного вида.

– А я вас предупреждал? – моментально обратился к нему Крячко.

Мужчина смущенно замолчал.

– Да мы только хотели узнать, когда это безобразие прекратится! – с чувством выкрикнула женщина средних лет – судя по голосу, та, что ратовала за единство российского народа.

– Какое безобразие?

– Как какое? Женщин убивают, калечат ни за что ни про что! Мы дочерей своих на улицу отпускать уже боимся!

– А кого это покалечили? – не отвечая на вопрос, спросил Крячко.

– Так вон у Василия Палыча внучку изуродовали, инвалидом сделали! – Женщина показала на высокого сухопарого старика, совершенно седого, опиравшегося на палку. Он держался поодаль. Крячко обратил внимание, что этот мужчина как раз вел себя наиболее тихо и спокойно – за все время он не произнес ни одного слова, только наблюдал за происходящим словно со стороны.

– Скажи же, Василий Палыч! – повернулась к нему женщина.

Старик едва заметно кивнул, но снова ничего не произнес.

– О том, что покалечили, заявление есть? – спросил у него Крячко.

Мужчина ничего не ответил, лишь постоял немного, а потом решительно пошел прочь, к выходу, крепко опираясь на свою палку при каждом шаге, и стук ее гулко разносился по асфальтированным дорожкам. И некоторое время после его ухода все стояли молча, опустив взгляды.

– Когда это случилось? – прервал тишину Крячко.

– Полгода назад, – выступила вперед все та же женщина, поправляя на голове беретку – снова начал накрапывать дождь. – Возвращалась с занятий, а ее кто-то подстерег. И – ножом в бок. А сам убежал. Думал, что насмерть, а она выжила. Ее прохожие обнаружили, «Скорую» вызвали. В больнице откачали, но с тех пор ноги у нее отказали. Так в инвалидной коляске теперь и передвигается. Говорят, нерв какой-то повредился...

– Изнасиловали? – спросил Крячко.

– Да вроде нет, – с сомнением в голосе сказала женщина. – Нам-то Василий Палыч, конечно, не докладывал. А Вика сама из дома не выходит. Василий Палыч иногда на коляске ее вывозит, по вечерам. Я-то в их подъезде живу, этажом ниже, поэтому и знаю. И главное, родителей у нее нет, – продолжала женщина. – Погибли а автокатастрофе, когда она еще маленькая была. Вот Василий Палыч ее один и воспитал. Он мне как-то признался, что раньше думал, мол, внучку вырастит, теперь и умирать не страшно. А оказалось – еще страшнее. Как она без него останется? А ведь ему уже под восемьдесят! Боятся, что в интернат ее заберут.

Крячко думал о своем. О том, что нужны материалы по этому делу. А они должны остаться, если было заявление.

– Как его фамилия? – спросил он.

– Кожухов. Василий Павлович Кожухов. И Вика тоже Кожухова.

– А почему заявление забрали, не знаете? – спросил он.

Женщина развела руками:

– Василий Палыч сказал, что все равно никого не найдут. И здоровье Вике этим не вернешь. А допросами и протоколами только мучают, заставляют снова и снова все вспоминать.

– Конечно! – подал голос кто-то из толпы. – Зря только мурыжат. А преступника-то как не было, так и нет! А о раскрываемости рапортуют.

Крячко, сдвинув брови, посмотрел поверх голов собравшихся.

– Это кто там такой умный? – спросил он.

Из толпы бочком выдвинулся сухонький мужичок неопределенного возраста – можно дать и сорок лет, и шестьдесят. Глаза у него были неприятные, маленькие и злые. Он кашлянул и сказал:

– Я и говорю, что о стопроцентной раскрываемости у нас с экранов и страниц газет вещают каждый день. И по отчетам выходит все в порядке. А по статистике шестьдесят процентов преступлений остаются нераскрытыми! Откуда же они берутся, если докладывают, что все раскрыто?

– Вы кто будете? – негромко спросил Крячко.

– Жигалкин моя фамилия, – представился мужичок.

– Так вот, уважаемый гражданин Жигалкин. Вы тут только что поддакивали насчет правильности того, что потерпевшая забрала заявление – дескать, все равно никого не найдут. А как же найти при таком подходе? Когда потерпевшие сами не хотят сотрудничать с полицией? Как полиции работать, если потерпевшие не хотят лишний раз показания давать?

Он поднял руку, предотвращая готовое сорваться с уст Жигалкина возражение.

– Понятно, что придется напрячь память, вспомнить неприятные моменты! – жестко продолжал Крячко. – Это естественно. А вы думаете рассказ о том, как избивали и уро-

довали девчонку, нам уши греет? Так потому и спрашиваем в пятый, десятый, сотый раз одно и то же – в надежде, что наконец-то всплывет что-то, какая-то мелкая деталь, опираясь на которую можно будет распутать все преступление. А не потому, что полиции делать нечего, как только страшилки слушать. Страшилки я могу и дома по дивиди посмотреть, только они мне не нужны, у меня их на работе без кино хватает. А вы ахаете-охаете, мол, такие-сякие, мучают потерпевших, им и так плохо! А потом кричите: полиция, мол, никого найти не может, не работает! Вы тут российскую солидарность в пример приводите, так вот я вам скажу, что нигде так не распространено кликушество, как в России!

В этот момент в Крячко, видимо, возобладали украинские корни. Воспевать оду родственному народу он, правда, не стал ввиду неуместности момента, но по поводу русской ментальности проехался хорошо. И в завершение своей тирады произнес:

– Так что если не помогаете работать, то хотя бы не мешайте. Как сегодня, например...

– Минуточку, – снова вылез Жигалкин. – Вы, конечно, все правильно говорите. Только вот какой вопрос: дальше-то что? Ведь ваша задача не только раскрыть преступление, но и предотвратить! А где у нас гарантии, что завтра еще кого-то не убьют или не покалечат?

И он вперил в Крячко свой сверлящий, злобный взгляд, и полковник чувствовал, что не профилактика преступлений

его волнует и не новые жертвы – плевать ему на жертв, а хочется ему причинить кому-то неприятности, заставить смутиться или оправдываться. С Крячко такие штучки не проходили.

Полковник набрал в легкие побольше воздуха и, чеканя каждое слово, произнес:

– Гарантией предотвращения преступлений является ваше добровольное и охотное сотрудничество с правоохранительными органами. Бдительность граждан и выполнение ими своего гражданского долга. Поэтому если кто-то из вас что-либо слышал, видел, знает, я прошу – нет, не прошу, а требую! – поделиться своими знаниями с полицией.

И так как толпа молчала, Крячко вытащил из кармана потрепанную записную книжку, вырвал из нее листок и карандашом написал на нем номер мобильного телефона Льва Гурова, после чего протянул листок первому попавшемуся человеку. Им оказалась та самая женщина, соседка пенсионера Кожухова, которая машинально взяла листок.

– Если кто-то что-либо вспомнит, пускай немедленно позвонит по этому номеру.

– Ну, мне сказать нечего, – заговорил худощавый мужчина. – Я ничего не видел и не слышал. Но теперь буду каждый вечер встречать свою жену с работы!

– А вы тоже в этом дворе живете? – спросил Крячко.

– Нет. Я привез супругу на работу. Она тренер в фитнес-центре.

– Вот как? – нахмурился Крячко. – Как ее зовут?

– Гордина Екатерина. Она мне рассказала, что неделю назад на девушку из их центра здесь в сквере напали. После этого эпизода я забеспокоился, стал приезжать встречать ее. Я буду начеку! И если мне этот урод попадется – при всех заявляю! – я его просто убью! – заносчиво закончил мужчина.

Крячко усмехнулся. Муж Екатерины Гординой, «мадонны на каблучках», явно не блистал физической силой. Он был довольно сублильный, к тому же наверняка не принадлежал к людям, работающим физически.

«Белый воротничок какой-то», – сделал для себя вывод Крячко.

Таких людей он тоже не слишком жаловал, но все же они были ему куда приятнее востроносого Жигалкина.

– Ты убивать-то погоди, парень, – со вздохом проговорил Крячко. – А то ведь потом самому отвечать за эту мразь придется. Как за порядочного.

– А мне жизнь жены дороже, – отрезал парень.

– Это ты сейчас так говоришь, – ласково сообщил ему Крячко. – А вот как попадешь в предварилку, как на допросах помаешься с утра до вечера, как на жестких нарах ночку-другую поспишь да на эков насмотришься, феню послушаешь, так сразу за голову схватишься и скажешь: «Эх, какой же я был дурак! Лучше бы дома сидел, телевизор смотрел. И не надо мне ни героизма, ничего – лишь бы дома, на родном диване растянуться».

– Скажете тоже, – обиженно засопел молодой человек.

Крячко лишь рукой махнул, давая понять, что знает, что говорит.

– Значит, так, – стал он подводить итог. – Сейчас, – он сделал акцент на этом слове, – все расходятся по домам. И не мешают продолжать полиции работать. Возможно, придется вызвать вас в Главное управление МВД для дачи свидетельских показаний. Всего доброго!

Крячко склонил голову и зашагал по дорожке к выходу из сквера.

– Эй, а моя камера? – донесся ему вслед голос.

Крячко даже не обернулся. Он чуть скосил глаза лишь у ворот сквера и боковым зрением увидел, как к расстроенному журналисту подкатил Жигалкин и начал с ним о чем-то шептаться. Крячко сплюнул себе под ноги и пошел дальше.

Александр Агафонов уже ждал его дома.

– Что задержался-то? – спросил он в прихожей.

– А-а! – Крячко махнул рукой. – Жилыцы тут ваши активность проявляют.

– А, это я слышал, – кивнул тот и пояснил. – Сегодня утром, когда на работу ехал, народ во дворе собрался. Обсуждали убийство женщины в сквере. Этот сквер у нас прямо как кость поперек горла! Такой двор хороший, спокойный, а тут – на тебе.

Двор, в котором проживал Александр, был образован тремя десятиэтажными домами. Внутри находилась детская

площадка, общая для всех трех домов, и автостоянка. С другой стороны двора, метров через пятьдесят, находился пресловутый сквер с прудом и фитнес-центром. Те, кто возвращался домой со стороны Свиблово, чувствовали себя спокойно. Те же, кто вынужден был идти с другой стороны, часто пользовались именно сквером, не желая тратить время и обходить его. И вот уже появилось из-за этой беспечности несколько жертв...

– Слушай, а кто такой Жигалкин? – спросил Крячко.

– Ой, зловердный старик, – поморщился Агафонов. – Постоянно всем недоволен. То машину не так поставили – надо запретить вообще иметь машины. То дети очень громко во дворе кричат – надо игры в мяч во дворе запретить, то еще что-нибудь. Жалобы вечно строчит куда попало. На телевидение даже звонит постоянно, а уж в газетах вообще постоянный гость.

– Вот кто журналюг вызвал, – угрюмо сказал Крячко.

– Он когда-то, я слышал, членом профсоюзной организации был при какой-то фабрике. Вот там ему раздолье было! В чужую жизнь свой нос совал, учил уму-разуму. Лично я бы советовал тебе с ним не связываться. Замучает потом, станет твоему начальству кляузы писать.

– Ладно, мы и не таких зловердных видали! – сказал Крячко. – Ты мне лучше вот что скажи. Этот тренер, Константин Широков, не общался ли с твоей дочерью помимо занятий?

И Крячко посмотрел на Агафопова в упор. Александр не

стал отпираться и сообщил, что Широков несколько раз провожал его дочь домой после занятий в фитнес-центре. Однажды Агафонов поздно возвращался с работы и увидел их возле подъезда в обнимку. Расспросил дочь, та сказала, что ничего особенного, просто Константин Дмитриевич «чисто по-тренерски» проявляет к ней интерес и симпатию. Однако Агафонову такая формулировка не слишком понравилась, особенно после того, как он своими глазами видел, как Константин Дмитриевич проявляет к Марине интерес, который явно выходил за рамки тренерского. Высказав откровенно свое мнение, Агафонов стал ждать результата. Запрещать что-либо своим дочерям он не любил, зная, что это чаще всего вызывает обратную реакцию. К счастью, через некоторое время Марина, кажется, порвала с Широковым, во всяком случае тот ее больше не провожал.

– И слава богу! – сказал Агафонов. – Если честно, не понравился он мне. Самовлюбленный какой-то, других вообще не замечает, не чувствует.

– А мне можно с ней поговорить об этом? – спросил Крячко.

Агафонов замялся. Ему явно не хотелось, чтобы Марина рассказывала Крячко о своих отношениях с тренером Константином Широковым, но, понимая, что Станислав спрашивает не из праздного любопытства, все-таки не стал возражать.

Марина говорила не слишком охотно. По ее словам, Кон-

стантин как-то после занятий предложил ее проводить, она согласилась, потому что с ним «было прикольно общаться». После этого он провожал ее еще несколько раз, затем уезжал на своем автомобиле. А однажды предложил поехать в бар. Несколько раз они посещали какие-то бары, потом Широков недвусмысленно намекнул, что хотел бы пригласить Марину домой, но она отказалась. Широков проявил настойчивость, Марине это не понравилось, и она довольно резко его отшила. После этого они некоторое время сухо общались, но потом Широков сам подошел к ней как ни в чем не бывало и дал понять, что обиды не держит. С тех пор отношения у них прежние, в формате тренер – клиентка, и Широков не делал попыток пригласить Марину куда-либо.

«А если нет? – думал Крячко, слушая девушку. – Если не забыл и обиду держит? Если это все-таки он? А к Марине подкатил мягко для маскировки? Ведь напал же на нее кто-то в плаще! А Широков в тот вечер уехал одним из первых. А если он просто оставил машину в паре кварталов и вернулся в сквер, зная, что девушка задержалась там с подружкой? Да, но сегодня убили вовсе не Марину, а Ирину Умецкую, возразил Крячко внутренний голос. Что он, в самом деле, что ли, маньяк? Надо бы выяснить о его прошлом. И в психоневрологический диспансер запрос сделать.

А сам продолжал задавать вопросы насчет смерти Ирины Умецкой – что говорят во дворе, какие версии выдвигают? Крячко был не согласен со Львом Гуровым, ярим против-

ником слухов и сплетен, ратовавшим за то, чтобы опираться строго на проверенные факты. Да, разумеется, все нужно проверять. Но как раз чтобы появились железные факты, порой очень полезно послушать пересуды и сплетни. Дыма без огня не бывает, эту пословицу Крячко очень уважал и даже вывел из нее свою собственную – «из слухов рождается истина». И сейчас он терпеливо спрашивал и у Марины, и у ее отца – кто что говорил, кто чем возмущался, кто на кого собирался жаловаться...

Под конец разговора Крячко спросил про Вику Кожухову. – Я ее почти не знаю, – сказала Марина. – Она в соседнем доме живет, мы никогда не дружили. А потом с ней это несчастье случилось, и я ее вообще не вижу.

Зазвонил сотовый телефон, и Крячко ответил – звонил Лев Гуров.

– Стас, давай быстро в главк, – коротко сказал тот.

– Я вообще-то еще не закончил...

– Бегом, я сказал, – повторил Лев и добавил: – Тут Петр рвет и мечет.

После этого сразу же разъединил связь. Крячко в растерянности смотрел на телефон, недоумевая, по какому поводу там истерит Орлов. Он вроде бы не успел ничего такого сотворить. Неужели увидел прожженное пятно на ламинате? Да ну, ерунда! Все давно и думать забыли, и сам Орлов уже сто раз успокоился. К тому же Крячко очень удачно замаскировал его новеньким ковриком, купленным, между прочим,

на личные средства. Так что с него взятки гладки. Но ехать было необходимо – по тону Гурова Крячко понял, что дело серьезное, и, наскоро простившись с Агафоновыми, отправился в Главное управление.

* * *

Когда Гуров вернулся из фитнес-центра, он погряз в разного рода бумагах и сообщениях. Это были важные сообщения: пришли материалы по делу об убийстве Светланы Лихачевой, появились кое-какие результаты экспертизы по делу Ирины Умецкой, сведения о Константине Широкове, кое-что о других сотрудниках фитнес-центра... Словом, данных было много, и Гурову необходимо было в кратчайшие сроки разобраться со всей этой бухгалтерией, возвышавшейся на его столе. Разобрать, хотя бы предварительно ознакомиться, желательно до шести часов, потому что после Гуров намеревался поехать в фитнес-центр «Идеал» побеседовать с его работниками и клиентами, и ехать он хотел уже подготовленным, обладая хоть какими-то сведениями о людях, каждого из которых можно было зачислять в список подозреваемых.

Как назло, полковника Крячко на месте не оказалось, хотя времени было только три часа, а ехать к Агафонову тот собирался после шести. Вместе они бы управились быстрее. Гуров достал телефон, собрался было набрать номер Крячко, чтобы узнать, где его носит, но потом передумал. Все рав-

но нужно самому изучить эти материалы и уложить в голове, дабы ориентироваться в ситуации. И управиться за три часа... Нет, не получится. Если сейчас хвататься за все материалы подряд, в голове толком ничего не уложится, а будет сплошной хаос. А Гуров не любил бардака. Он любил строгий порядок, чтобы все было разложено по полочкам. Это касалось как домашней обстановки, рабочего места, так и головы. Потому он решил действовать методично и последовательно. Раз сегодня ему предстоит разработка сотрудников фитнес-центра, значит, нужно начать с характеристик его сотрудников и фактов их биографии.

Гуров раскрыл первый документ и стал читать. Он касался Широкова Константина Дмитриевича, выпускника института физкультуры. Широков учился на дневном отделении, нигде при этом не подрабатывал, поскольку имел весьма обеспеченных родителей. По этой же причине проживал отдельно от них, в однокомнатной квартире в районе ВДНХ, женат не был. По данным из института, Широков характеризовался как человек доброжелательный, уравновешенный, щедрый и обладающий хорошим чувством юмора.

– Да уж, шутник... – пробормотал Гуров, перелистывая страницы и досадуя на самого себя, потому что уже испытывал к Широкову неприязнь и предубеждение. Испытывал, не будучи уверенным еще ни в чем, ни разу даже не беседовав с ним. А он, может быть, вполне хороший и приятный парень, этот Широков, и к нападениям на девушек причастен

не больше, чем сам Гуров.

После окончания института Широков пошел работать согласно полученному образованию – в лицей. Уволился семнадцатого апреля этого года, после чего в мае поступил на работу тренером в фитнес-центр «Идеал»...

Стоп. Что-то привлекло внимание Гурова, какое-то несовпадение. А, вот что – формулировка «уволился семнадцатого апреля». Почему в апреле, когда до окончания учебного года оставался месяц с небольшим? Почему не дождался конца мая? Настолько надоело, что он бросил своих учеников в конце года? Как же его отпустило руководство, ведь он, по сути, здорово подводил директора лицея?

Гуров потер лоб. Может быть, и ничего важного, но все же не мешает проверить. Он протянул руку – номер телефона лицея был напечатан в документе – и стал нажимать кнопки на аппарате. Через полминуты уже разговаривал с директором лицея сто девяносто восемь Тамарой Валентиновной Горецкой.

– Константина Широкова? Конечно помню, – сразу же сообщила она, после того как Гуров представился. – А что случилось?

– Да ничего особенного, с ним все в порядке, – успокоил женщину Гуров. – Вы мне лучше вот что скажите: почему он уволился от вас, не доработав до конца учебного года?

Директриса помолчала, потом ответила:

– Можно, в свою очередь, вас спросить?

– Вообще-то я предпочитаю сначала получить ответ на свой вопрос. Но если просит женщина, – и он улыбнулся, хотя Тамара Валентиновна и не могла видеть его улыбки.

– Вы разговаривали об этом с самим Широковым?

– Нет, еще не разговаривал, – признался Гуров. – Но собираюсь это сделать сегодня.

– Вы меня извините, Лев Иванович, но давайте поступим так. Вы сначала побеседуйте с Костей, а если вас что-то смутит, то уж тогда обращайтесь ко мне. Хорошо?

Гуров нахмурился. Подобный вариант ему нравился не слишком – он любил получать ответы на важные вопросы сразу, а не спустя какое-то время. А реакция Горецкой убедила его в том, что с этим увольнением что-то не так. Не зря интуиция заговорила. Но сейчас давить на женщину было бесполезно: по телефону она все равно не станет ничего говорить, а на личную встречу у него просто нет времени: лицей находился на другом конце города; пока он доберется до него, пройдет уйма времени, а ему еще ехать в «Идеал». Да и оставшиеся документы не успеет просмотреть. К тому же, если Горецкая уже заупрямилась, она наверняка скажет, что ей нужно срочно ехать в Управление образования или еще куда-нибудь. И вообще, бывают моменты, когда ситуацию лучше не напрягать. Сейчас, чувствовал Гуров, был именно такой момент.

– Хорошо, – сухо ответил полковник. – Но только хочу предупредить, Тамара Валентиновна, что, если меня не

устроит ответ Широкова, я непременно переговорю с вами лично и узнаю ваш.

– Обязательно, Лев Иванович. С удовольствием с вами общаюсь, – заверила Тамара Валентиновна и быстро попрощалась.

Гуров принялся читать сведения о Шестаковой, но здесь было не за что зацепиться. Собственно, Ольгу Шестакову можно было вообще исключить из списка убийц по причине ее принадлежности к женскому полу, равно как и остальных сотрудниц фитнес-центра «Идеал», но Гуров привык все проверять досконально. Мало ли... Вдруг это какой-то ее дружок-переросток так развлекается?

О Борисе Полищукe пока что пришли данные из «Стройпласта», где он работал до фитнес-центра «Идеал». Данные были сухими, казенными, и на их основании нельзя было сделать никаких выводов.

Результаты экспертизы по убийству Ирины Умецкой лежали отдельной стопкой. Здесь были заключения разных специалистов: дактилоскописта, криминалиста, патологоанатома... Часто заключения патологоанатома приходят в последнюю очередь, поскольку исследования занимают много времени, но сегодня генерал-лейтенант Орлов лично потребовал, чтобы до конца рабочего дня они были готовы и врач занялся трупом Умецкой в первую очередь.

Гуров читал сухие, казенные фразы:

«Смерть наступила мгновенно в результате удара ножом

в область сердца».

«На предплечьях убитой обнаружены синяки, что свидетельствует о возможных следах борьбы...»

И думал, что вот еще вчера жила на свете молодая женщина Ирина Умецкая, ходила по земле, училась, смеялась, любила, а прошел миг – и не стало ее, не стало целого мира, целой жизни. Смерть наступила мгновенно...

Гуров посмотрел в окно. В середине ноября темнеет рано, и на город уже стали наползать сумерки. Он потер виски и стал читать дальше. И чем больше вникал в суть написанного, тем отчетливее понимал, что ничего, абсолютно ничего эти фразы не дают ему. Никак они не раскрывают личность убийцы. И как могут помочь в раскрытии этого сложного дела, пока не ясно. Однако как ветеран сыска, Гуров отлично знал, что это только на первый взгляд. Это всегда так кажется, что сухие протокольные фразы никакого значения не имеют и перечисляются просто формально – количество синяков на теле, положение трупа на земле... А потом из этих мелких фактиков начинает формироваться целая конструкция, в которой каждый из них, как кирпичик в игрушечном конструкторе «Лего», цепляется один за другой и встает точно на свое место, образуя целый городок. И городок этот предстояло построить ему, Льву Гурову.

Полковник посмотрел на часы. Скоро шесть. Крячко не появился, да теперь уже и не появится. Имелась у Станислава такая дурацкая привычка: уезжая в середине рабочего дня

по делам, он частенько больше не появлялся в управлении. Подобное простительно, когда дел немного или они не слишком важные, тогда отсутствие Крячко не являлось катастрофой и многое можно смело поручить кому-то из низших чинов, они бы справились. Но сейчас, когда дело явно выбивалось из числа заурядных, Гуров чувствовал, что ему не хватает Крячко. Хотя бы просто для того, чтобы посоветоваться. Он встал и, надев плащ, направился к выходу из здания.

Тугая пробка на проспекте Мира вскоре плотно захватила его в тиски, обещая, что легко он из нее не вырвется. Гуров вздохнул и, включив радиоприемник, откинулся на подголовник. Теперь предстояло ждать, уповая лишь на чудо, что пробка рассосется.

Чуда не произошло, и к моменту, когда Гурову ехать до фитнес-центра осталось минут десять, зазвонил мобильник. Звонил Орлов, посему Гуров быстро выключил приемник и ответил.

– Лева! – Орлов буквально кипел, шипел, и Гуров чувствовал, что генерал-лейтенант раскален до предела. – Где этот... – Орлов смачно выругался.

Чутьем Гуров уловил, что речь идет о Крячко... Чем Станислав мог прогневить Орлова на сей раз, Гуров даже не предполагал. Тем не менее отозвался невозмутимо, аккуратно отвечая лишь на поставленный вопрос:

– Сейчас уже должен быть у Агафонова.

– Та-а-ак... – зловеще прошептал Орлов. – А до этого где

он был?

– Понятия не имею. Я с документами работал один.

– Ты и сейчас один? – на всякий случай уточнил Орлов.

– Да, еду в фитнес-центр.

– Так, разворачивайся и немедленно возвращайся! – потребовал Орлов. – И этому клоуну тоже позвони и скажи, что я приказал срочно явиться в управление.

– А сам что не позвонишь? – спросил Гуров.

– Потому что... Потому что я с ним даже разговаривать не хочу! – выдал Орлов. – Я его прибить готов!

– Противоречишь сам себе, – заметил Гуров. – Может быть, не стоит тогда его вызывать, пока ты в таком состоянии? Подожди, когда остынешь, успокоишься. Мне, право же, не хотелось бы потерять Крячко сейчас. Все ж таки жалко, как-никак, сгодится нам еще этот гражданин...

– Звони! – коротко и категорично потребовал генерал-лейтенант и отключил связь.

Начальство метало громы и молнии через оправу очков, посверкивая ими на Станислава Крячко.

– Мне из редакции звонили, ты понимаешь это? Ты понимаешь, что ты натворил? Нас же в газетах разнесут в пух и прах – ты знаешь, чем это чревато?

– Ничем, – спокойно отозвался Крячко. Он уже оценил ситуацию, и она его, кажется, ничуть не пугала.

Как выяснилось, владелец разбитой камеры пожаловался

на возмутительное поведение полковника МВД своему начальству, а оно, в свою очередь, позвонило Орлову и потребовало разобраться с этим безобразием. И сейчас Орлов, гневно выражая свое мнение по этому вопросу, с удивлением отмечал, что Крячко почему-то не внемлет угрозе, не пытается оправдываться и даже не делает вида, что осознал свою вину. Орлов не то чтобы сильно боялся каких-то действий со стороны журналистов – он давно привык к самым разным публикациям в прессе по поводу работы Главного управления МВД и знал, что писательская братия любит выставлять ее в негативном свете. Не раз критиковали они эту работу и общую политику главка, но кому, как не Орлову, руководившему данным аппаратом не один десяток лет, было знать, что правильно, а что нет? Поэтому он давно научился не принимать мнения со стороны. Тем более если это мнение высказывалось дилетантами, людьми, не имеющими никакого отношения к оперативно-розыскной работе. И если бы Крячко или Гуров сейчас вели дело по-своему, а журналисты считали, что они идут по неверному пути, Орлову было бы на это наплевать. Еще будут журналисты учить работать его оперов! Но возникли-то не концептуальные разногласия.

Крячко, с точки зрения Орлова, совершил ребяческий, хулиганский поступок. Нашел, в самом деле, с кем связываться! Это подобно тому, когда взрослый дядя ломает расшалившемуся ребенку игрушечный пистолет! И вот от это-

го все кипело и клокотало внутри у Орлова. Крячко же по-сматривал на то, как он бушует, сонно-усталым равнодушным взглядом, и от этого Орлов чувствовал свое бессилие и злился еще больше.

– И что? – флегматично спросил Крячко, когда начальник устал кричать.

– Как что? Тебе этого мало? – возмутился генерал-лейтенант.

Крячко вздохнул и, посмотрев на Орлова с искренним сочувствием, проговорил:

– Ей-богу, Петр, вот смотрю я на тебя – человек ты уже немолодой, должность занимаешь нервную, сердечко у тебя пошаливает...

– Это ты к чему? – напрягся Орлов.

– К тому – на хрена тебе еще и эта канитель? Из-за пустых угроз каких-то писак начинаешь переживать? Да я бы и глазом не моргнул, а звонившего того редактора главного послал бы куда подальше по матушке и разговаривать с ним не стал! Это ж надо наглости набраться – генералу звонить с жалобами! Пускай своих сопляков сперва вести себя научит!

– Ты расскажи лучше, что там произошло, – из-под полу-прикрытых век посоветовал Гуров. Лев знал Крячко столько же, сколько и Орлов, и был уже внутренне спокоен. Если Крячко не юлил, не суетился и не пытался кричать, что во всем виноваты все вокруг, начиная с самого Орлова, – значит, претензии к нему и в самом деле преувеличены.

Крячко обстоятельно рассказал о том, что произошло этим вечером в сквере возле фитнес-центра «Идеал». Орлов слушал, и лицо его прояснялось.

– ...И могу добавить, что если что-то подобное повторится, я ему не то что камеру – башку разобью, – закончил он.

– Ну, нам еще этого не хватало! – сердито сказал Орлов. – Ты понимаешь, что за это точно отвечать придется?

– Брось, – лениво махнул рукой Крячко. – Я при исполнении и нахожусь на задании. Я ничего не нарушил, я предупредил, кто я, а на меня стала надвигаться толпа с явно насильственными намерениями. Я предупредил, что буду стрелять – имел, кстати, полное право. Так что ничего мне не грозит. Это он не прав от начала и до конца.

– Но они требуют, чтобы ты им стоимость камеры возместил, – уже более миролюбиво сообщил Орлов.

– Во! – Крячко сложил крупногабаритную фигу и показал ее генерал-лейтенанту. – Будут возникать – я еще с них самих компенсацию выйду. За срыв следственного эксперимента.

– Ну, ты не слишком резвись тут! – одернул подчиненного Орлов. – Ты-то прекрасно знаешь, что никакого следственного эксперимента не было.

– Зато они не знают, – заметил Крячко. – Кстати, почему ты так уверен, что не было? Я, между прочим, не зря там торчал.

– А для чего? – заинтересовался Орлов.

– Да мысль у меня была... – пробормотал Станислав. – Только из-за этого козла она меня покинула.

– Ясно, – отрезал Орлов. Побарабанил пальцами по столу, снял очки, протер стекла и вернул их на место. Потом сказал уже другим тоном: – Вот что, ребята. Раз уж собрались мы все здесь во внеурочный час, давайте-ка побеседуем о делах наших.

– Ты правильно заметил, что час неурочный, – выразительно глянул Крячко на часы и сделал вид, что встает. – Вот завтра с утра, после планерки...

– Ничего, ничего, – остановил его Орлов. – Совещания по этому вопросу ведь у нас не было? Вот самое время его и провести. Дело-то важное. Не зря именно нам дело передали. А завтра с утра, после планерки, займетесь тем, что мы с вами разработаем сегодня.

Крячко вздохнул и вернулся в исходное положение. Затем повернулся и посмотрел на Гурова.

– А знаешь, Петр, о чем говорит сегодняшней инцидент с журналистами? – неожиданно спросил тот и, видя заинтересованные взгляды Орлова и Крячко, сказал: – Мы стали хорошо жить.

– То-то я сам себе завидую! – ехидно сказал генерал-лейтенант.

– Я серьезно, – продолжал Гуров. – Мы живем очень хорошо.

Орлов и Крячко переглянулись.

– Лева, ты сейчас в каком смысле говоришь – в экономическом? – осторожно спросил Крячко. – Может, тогда одолжишь денжат до зарплаты? А то мне что-то опять не хватило...

– И в экономическом, и в социальном, и в политическом, если хотите, – сказал Гуров, спокойно достав из кармана пару тысячных купюр и протягивая их Крячко.

Станислав машинально взял их, повертел в руке, потом хмыкнул и сунул в карман. А Гуров продолжал:

– Вы вспомните, в каких условиях нам приходилось работать во время войны в Чечне, к примеру. Помножьте это на общую политическую обстановку. В стране бардак, разруха, передел сфер влияния, расхват имущества – повальный грабеж по сути. Сплошная анархия. Президент бухает, чиновники и бандиты хапают, ошалев от безнаказанности и привалившего счастья, преступность увеличивается... И на этом фоне – Чечня. И преступления, связанные с нею... Незаконный оборот оружия, связи с боевиками – все это касалось нас ежедневно, ежеминутно! И других тоже. Ведь у многих кинули в Чечню родных – сыновей, мужей, братьев... Разве обратили бы люди в то время внимание на какую-то публикацию о разбитой журналистской камере? Тогда зарплату месяцами не платили, предприятия закрывались, массовая безработица, люди спивались, от отчаяния кончали с собой. Процент самоубийств взлетел до предела. И все это было-то совсем недавно, каких-то два десятилетия назад. Я уж молчу

о столь далеких от нас временах, как Великая Отечественная. Тогда ведь совсем других сводок по радио ждали, других новостей из газет. А тут разбили камеру журналисту – и уже сенсация! Пугачева развелась с Киркоровым – событие на всю страну!

– Ксения Собчак появилась на тусовке в новом красно-зеленом платье, – ввернул Крячко. – Точно ты говоришь, Лева, мы стали жить очень хорошо. Просто, можно сказать, зажрались.

– Разве это плохо? – неуверенно спросил Орлов, почему-то чувствуя себя виноватым.

– Да нет, само по себе это хорошо. Только вот о важных вещах люди стали забывать, – сказал Гуров.

– Так вот давайте-ка к важным вещам и вернемся, – решил Орлов, удобнее устраиваясь на стуле. – Ситуация у нас с вами, прямо скажем, не слишком приятная. Это сегодняшнее убийство может оказаться целой серией подобных преступлений. Что скажете? Есть факты, подтверждающие это?

И он вперил в сыщиков взгляд поверх очков. Гуров спокойно посмотрел на своего начальника и сказал:

– Железных фактов выделить не могу. Основания для подобного предположения есть. Могу перечислить.

Орлов в знак согласия кивнул, и Гуров продолжил:

– Все преступления объединяет место совершения...

– Ты имеешь в виду клуб этот спортивный? – перебил Орлов.

– Не спеши, – поднял руку Гуров. – Во-первых, не клуб, а фитнес-центр. Во-вторых, не он сам, а район вокруг него. Место не простое: с одной стороны благоустроенное, с другой – не до конца. Построили совсем недавно, до этого там пустырь был возле жилых домов. Ночами там и раньше ходить боялись, теперь, по идее, спокойнее должно стать, но... Территория не охраняется – раз. Освещение плохое – два.

– А почему? – снова перебил Орлов.

– Потому что денег на это жалко, – усмехнулся Крячко. – Что ж тут непонятного?

– А кому принадлежит территория? – нахмурился генерал.

– Территория принадлежит муниципалитету, и на ней планируется построить несколько кафе, а также оборудовать детскую площадку. Часть земли сдается в аренду частникам. И территория под фитнес-центр взята на срок пятьдесят пять лет. Но это формальности. Понятно, что потом либо продлят договор, либо земля вместе с центром перейдет муниципалитету. Но хозяйке до этого дела нет – через пятьдесят пять лет, дай ей бог здоровья, у нее будут иные заботы. А земля вообще-то там дорогая, и брать ее в аренду, а уж тем более выкупать мало кто спешит. Поэтому остальная территория пустует. Ну, есть сквер, но в нем, кроме небольших деревьев, пока больше ничего нет. Облагороженный пустырь, по сути. Одним словом, беспокойное место, – подытожил Гуров. – Преступлений, которые, возможно, совершил один человек,

три: убийство Светланы Лихачевой, произошедшее полгода назад, причем не в самом сквере, а возле него. Второе – сегодняшнее убийство Ирины Умецкой. Ну и третье... – с сомнением проговорил Гуров, – это нападение на Марину Агафонову. Вписывается оно сюда или нет, пока непонятно.

– Между убийством Лихачевой и Умецкой прошло полгода, – задумчиво проговорил Орлов. – Слишком большой промежуток, не кажется?

– Я обратил на это внимание, – кивнул Гуров. – Но ведь пока и не доказано, что все это звенья одной цепи. Может быть, разные преступники.

– Уверен, что не разные, – подал голос Крячко и, когда взгляды Орлова и Гурова обратились к нему, пояснил: – Есть еще четвертый случай. Девчонка, правда, жива осталась, но покалечена на всю жизнь.

И он рассказал о внучке пенсионера Кожухова Вике.

– Нужно обязательно поднять материалы, – резюмировал Орлов. – И с этой девушкой побеседовать непременно. Значит, говоришь, она тоже в этом фитнес-центре занималась? Та-ак. – Он принялся постукивать пальцами по столу. Потом повернулся к Гурову: – Ты побеседовал со всеми, кто там работает и занимается?

– Со всеми не получилось, – ответил Гуров.

– Почему? – нахмурился Орлов.

– Потому что, уважаемый генерал-лейтенант, в то время когда я как раз намеревался этим заняться, вы устроили ис-

терику аки нервная барышня, а потом хлопали тут крыльями, как курица, переживая из-за ужасающей выходки Станислава Крячко, – насмешливо сказал Гуров. – И велели нам немедленно мчаться сюда успокаивать ваши нервы.

– А я, между прочим, к Виктории Кожуховой собирался, – ввернул Крячко.

Орлов покраснел, однако оправдываться перед своими подчиненными не стал, вместо этого строго произнес:

– Завтра с раннего утра, сразу после планерки, занимаетесь этим вопросом.

– С утра не получится, Петр Николаич, – ехидно возразил Гуров. – Нужные нам клиенты приезжают в фитнес-центр только к вечеру.

– Значит, с утра побеседуешь с персоналом! – стукнул кулаком по столу Орлов. – А к вечеру съездишь еще раз! Ничего с тобой не случится – небось не похудеешь! Я в свое время пешком по Москве бегал, с одного конца на другой!

– А сейчас пешком только до лимузина доходишь, – в сторону невинно заметил Крячко.

– Так тогда я другим был, молодым, – все-таки начал оправдываться Орлов.

– Так и Москва другая была, – зевнул Крячко. – Черемушки окраиной считались. А сейчас?

– Господи, да за что же ты этих язв послал на мою седую голову?! – всплеснул руками Орлов. – И это многолетние друзья называются! На каждом шагу норовят поддеть,

куснуть, яду пустить!

– А это чтобы ты не расслаблялся, – ласково сказал Крячко.

– Чтоб вы так расслаблялись, как я, – вздохнул Орлов. – Вам-то ничего, а мне за день уж сорок раз позвонили, спрашивали – как дело продвигается. И не волнует их, что только сегодня вообще это дело к нам попало! Когда труп Умецкой обнаружили. Если бы не это, наверное, и в голову бы не пришло объединять все эти разрозненные эпизоды. Того и гляди слухи поползут, что в Свиблово маньяк завелся! Газетчики тут же радостно взовьются!

– Газетчиков – в сад, – лениво посоветовал Крячко.

Орлов ничего не ответил, он задумался о другом. Потом поднял глаза на Гурова и просто сказал:

– Плохо все это.

– Да уж чего хорошего, – хмыкнул Крячко.

– Я о вашей работе! – повысил голос Орлов. – Плохо работаете!

– Ну, другой оценки от начальства разве дождешься! – махнул рукой Крячко с делано обиженным видом, но Орлов не стал с ним препираться, а обратился к Гурову:

– Выслушал я тебя и вот что думаю – работенка кустарная. Сведений, фактов ты понабрал под завязку. Результаты экспертизы, данные на сотрудников и прочее! – Орлов постучал пальцем по сложенной горе документов и досадливо отодвинул ее в сторону. – Все это правильно, но узко. Где

понимание проблемы в целом? Чего он хочет, этот преступник? Что ему надо? Кто он такой?

– Последний вопрос действительно самый важный! – насмешливо отреагировал Крячко. – Если бы мы тебе его фамилию сейчас сказали – вот тогда бы ты был доволен, и никак иначе!

– Не в фамилии дело, Станислав, – с сожалением, что подопечные не понимают его, ответил Орлов. – В личности! В его личности дело. Кто он – псих? Или садист? Или преследует какие-то личные мотивы? Вот когда вам это станет понятно, тогда будет понятно, где его искать – по психоневрологическим диспансерам или по бойцовским клубам. Или еще где. Мотивы, мотивы нужны! – с нажимом повторил он. – А их пока не видно! Кроме маньяка, конечно, но я вам от души советую – пока просто советую! – не зацикливайтесь на одной версии!

Выговорившись, Орлов достал платок и вытер им взмокший лоб. Гуров и Крячко помалкивали, причем Лев понимал справедливость замечаний Орлова. А что думал Крячко, было не ясно, потому что Станислав, как всегда, когда заходил в тупик, уходил в себя и делал вид, что его вообще нет, отбросив все свои шуточки и кривляния.

Орлов продолжал уже спокойнее:

– Подумай, Лева, не зря ли вы так прилипли к этому фитнес-центру? Может быть, не в персонале дело?

– Ты же только что говорил, чтобы я с раннего утра туда

мчался, – заметил Гуров.

– Я же не говорю, что этого не надо делать! Я о том, что нужно смотреть на проблему шире, не замыкаться на одной линии. Да, мы действительно пока не знаем, серия ли это. Мы даже мотива не знаем! И на действия маньяка как-то не очень похоже. Он не насилует, не уродует... С этой девочкой, Викой, как я понял, инвалидность случайно получилась? Значит, его цель – убить. А зачем?

– Ну так маньяк же, – пожал плечами Крячко.

– К тому же ни одна из жертв не ограблена, – вставил Гуров. – Да и какие деньги у девчонок, возвращающихся с занятий фитнесом? Такой грабеж характерен для шпаны малолетней, которой на пиво не хватает.

– Может быть, может быть... – задумчиво сказал Орлов. – К тому же Светлана Лихачева ведь не имела отношения к этому «Идеалу»?

Он посмотрел на Гурова, но тот сидел с каким-то рассеянным видом.

– Мне все время не дает покоя это название, – наконец сказал Лев. – Откуда-то оно определенно мне знакомо. И слышал я его совсем недавно. Фитнес-центр «Идеал»...

– Может, жена собиралась записаться? – спросил Крячко.

– Точно! Ей после вечернего спектакля самое время поразмяться, на фитнес сходить! – с иронией ответил Гуров.

– Ладно, память свою напряжешь потом, – сказал Орлов. – На сегодняшний момент перечисляю главные задачи: выяс-

нить мотивы убийств – раз. Выяснить, связаны ли все эти случаи между собой, – два. Разузнать все о посещающих «Идеал» – три. Выяснить все подробности о личности каждой из жертв – четыре. Мельчайшие подробности, – подчеркнул он. – Не забывайте о том, что пока нам не известны мотивы, пока мы не можем с уверенностью связать эти дела воедино, мы обязаны их расследовать и как не зависящие друг от друга преступления.

Крячко поднял согнутые пальцы, которые демонстративно загибал, пока Орлов озвучивал задачи, потряс кулаком и сказал:

– На пятерых работка, а? А нас только двое.

– Зато вы двое пятерых стоите, – парировал Орлов. – И не пытайся меня убеждать, что я даю нереальные задачи. Просто надо шевелить не только мозгами, но и задницей своей. А сейчас – по домам оба! – прикрикнул Орлов напоследок.

Глава 5

Наутро, едва Гуров подъехал к дверям управления, он заметил, что с другой стороны к зданию подъезжает темно-синий «Ниссан». Ничего особенного в этом обстоятельстве не было, однако Гуров задержался на ступенях здания, поглядывая на машину и ее номер.

Во-первых, никому из управления автомобиль с такими номерами не принадлежал – это полковник знал точно. Следовательно, приехал человек посторонний, и это могло иметь к нему непосредственное отношение. А во-вторых, человек, сидевший за рулем, очень напоминал полковнику корреспондента. И на сиденье, соседнем с водительским, Гуров заметил большую камеру.

Водитель, довольно молодой самоуверенный мужчина, одетый в теплую куртку с отороченным мехом капюшоном, поискал, где поставить свой «Ниссан», – все места перед управлением были заняты. Оставалось лишь место, где всегда ставил свою машину генерал-лейтенант Орлов. Это было его законное место, однако парень, окрещенный Гуровым «журналистом», знать этого не мог. Наконец человек приоткрыл свой автомобиль, вышел из него, небрежно щелкнул пультом и стал оглядываться по сторонам. Потом, заметив Гурова, стоявшего на ступеньках с отсутствующим видом, подошел к нему и спросил:

– Не подскажите, как пройти к руководству?

– А вы по какому вопросу? – вежливо поинтересовался Лев.

– Ну... – мужчина замялся на мгновение, но, в силу своей профессии привыкший быстро ориентироваться, сказал: – По личному и по общественному сразу. И по очень важному, – подчеркнул он.

Потом достал свое удостоверение – журналистское, Гуров не ошибся, он лишь отметил, что мужчину зовут Виталий Николаевич Ольшанский и что газета, в которой он числится руководителем редакции социальных новостей, называется «Столичные ведомости».

– А, ну тогда можно побеседовать со мной. Полковник Гуров Лев Иванович, – очень вежливо и доброжелательно представился Гуров. – Оперуполномоченный как раз по особо важным делам.

Журналист с легким сомнением окинул его взглядом, пробормотал неуверенно: «Вообще-то я хотел побеседовать с генералом...» Потом, видимо, решил, что сойдет и полковник, и кивнул.

Гуров распахнул дверь управления и широким жестом пригласил Ольшанского войти. Он провел его в свой кабинет и сказал:

– Располагайтесь, я подойду через пару минут.

Оставив журналиста одного, он вышел из кабинета и достал сотовый телефон.

– Стас, ты где сейчас? – спросил он через несколько секунд.

– На работу еду, в пробке застрял, мать ее! – выругался Крячко.

– Интуиция мне подсказывает, что лучше тебе пока здесь не появляться. Тут по твою душу, кажется, приехали... Так что давай-ка ты сейчас дуй по адресу, где живет Константин Широков. Он как раз должен быть дома, так как на работу ему после обеда. И побеседуй с ним на предмет отношений с Мариной Агафоновой. Заодно поинтересуйся, почему он уволился из лица – но так, невзначай, душевно, как ты умеешь. А потом выясни о нем сведения у его окружения – соседей, друзей.

– А ты там что? Чего надумал-то насчет журналиста? – помолчав, спросил Крячко.

– Есть у меня, кажется, одна неплохая идея, – уклончиво ответил Гуров и усмехнулся, но ничего не стал объяснять, а сразу после разговора с Крячко набрал номер своего старого знакомого Михаила Иващенко. Тот возглавлял местное отделение ДПС.

– ...Словом, Миша, все нужно сделать быстро, без шума и пыли, – закончил он разговор и вернулся в кабинет, стараясь скрыть усмешку.

– ...Вел себя недопустимо грубо и агрессивно, угрожал пистолетом, подвергая при этом опасности жизни людей, – Ольшанский перечислял прегрешения Станислава Крячко.

Гуров слушал очень внимательно и кивал с явным пониманием и сочувствием. – В довершение он применил грубую силу, разбив камеру стоимостью сто двадцать тысяч рублей, – Ольшанский выдержал паузу, явно ожидая реакции Гурова.

Полковник продолжал совершенно спокойно смотреть на него.

– Так что вы хотите? – спросил наконец он, когда Ольшанский начал ерзать на стуле.

– Как – что? – удивился Ольшанский. – Чтобы он понес заслуженное наказание. Чтобы его отстранили от занимаемой должности, потому что этот человек недостойн работать в Главном управлении МВД! Фамилия его... Вот, у меня записано. – Ольшанский достал из кармана записную книжку, быстро пролистнул и прочитал: – Крячко Станислав.

Фамилию Крячко он произнес с ударением на первый слог, и Гуров едва сдержал улыбку.

– И я буду настаивать, чтобы к этому человеку были применены самые жесткие меры, – заявил Ольшанский, закидывая ногу на ногу и принимаясь нервно подрыгивать ею. Затем достал сигарету, щелкнул зажигалкой и только потом спохватился:

– Я закурю, не возражаете?

Гуров кивнул, но на журналиста он не смотрел. Он почему-то искоса поглядывал на окно. Журналист продолжал что-то излагать, а полковник, казалось, совершенно не слу-

шал его, и это обстоятельство сильно раздражало Ольшанского. В конце концов он с досадой затушил окурок в пепельнице и, наклонившись через стол к Гурову, с нажимом сказал:

– Вы слышите, что я говорю?

– Честно говоря, не очень, – признался полковник. – Шум мешает.

Он поднялся со своего места и подошел к окну. Оттуда и впрямь доносился какой-то шум, но он смешивался со звуковым фоном улицы и особого внимания не привлекал.

– Что там такое? – спросил Ольшанский, теряя терпение.

– Кажется, вашу машину эвакуатор забирает, – спокойно проговорил полковник.

Ольшанский застыл от неожиданности, но тут же вскочил на ноги. Метнувшись к окну, он, расплющив нос, прилип к нему.

– Что за идиотизм! – вырвалось у него.

– Почему идиотизм? – невозмутимо сказал Гуров. – Вы ее в неподобающем месте припарковали, вот и забирают.

– Это... Это самоуправство какое-то! – Ольшанский ринулся к двери, и до Гурова донеслись лишь его торопливые шаги в коридоре.

Усмехнувшись, полковник снова посмотрел в окно. Журналист вылетел на улицу, когда его машина уже была водружена на автопогрузчик. Размахивая руками, он возбужденно принялся что-то доказывать невозмутимым работникам

дорожной службы, потом, отчаявшись, полез во внутренний карман... Но Гуров четко проинструктировал Мишу Иващенко, так что надежды Ольшанского уладить вопрос с помощью купюр были напрасны. В конце концов Ольшанскому пришлось молча наблюдать, как его машину транспортируют на штрафную стоянку...

* * *

Крячко вышел из машины и окинул взором высокую многоэтажку, на шестнадцатом этаже которой проживал тренер фитнес-центра Константин Широков. Он уже собирался нажать номер квартиры на домофоне, как дверь подъезда открылась, и из нее в обнимку вышла молодая пара. Парень и девушка были заняты исключительно друг другом. Разумеется, им было совершенно безразлично, будет Станислав заходить в подъезд или нет, и вообще сам факт присутствия незнакомого человека у дверей их не интересовал. Крячко вошел в подъезд и вызвал лифт.

По прибытии на шестнадцатый этаж полковник нажал на звонок возле двери интересующей его квартиры, но его ждало разочарование – ему никто не открыл. Крячко ничего не оставалось, как позвонить в соседнюю дверь. Из-за нее вскоре показалась женщина средних лет, которая посмотрела на полковника настороженными и удивленными глазами. Очевидно, она рассчитывала увидеть кого-то другого.

– Здравствуйте, я из полиции, – представился Станислав, раскрывая свое удостоверение.

– Здравствуйте, – еще больше насторожилась женщина.

– А я, собственно, не совсем к вам, я к вашему соседу – Широкову, – Крячко кивнул на соседнюю дверь. – А его дома нет. Поэтому позвонил вам.

Женщина расслабилась и после паузы сказала:

– А я его видела в окне. Полчаса назад уехал, со спортивной сумкой в руках. Положил в машину и уехал.

– А куда, вы, конечно, не знаете?

– Конечно не знаю, – ответила она. – Мы не слишком близко с ним общаемся.

– А может, есть кто-то, кто близко общается – из ваших соседей, в смысле? – без особой надежды на успех спросил Крячко.

Соседка отрицательно покачала головой. Да Крячко и сам понимал, что в нынешнее время в московских домах порой плохо знают, как зовут ближайших соседей, не то что в курсе каких-то деталей их жизни. Ему ничего не оставалось, как извиниться и удалиться.

Медленно спустившись по лестнице, Крячко вышел на улицу и в задумчивости остановился у подъезда. Неожиданный отъезд Широкова, да еще и с сумкой, набитой вещами, его настораживал. И если до визита в Алтуфьево Крячко не слишком верил в причастность Широкова ко всей этой истории, то теперь его неожиданное бегство – а Крячко расце-

нивал поведение тренера именно так – приобретало совсем иную окраску. Почему он сбежал? Только потому, что в фитнес-центре побывала полиция? Но это и так было понятно! Ясное дело, что совершенное на данной территории убийство не пройдет мимо правоохранительных органов. И если именно Широков причастен к нему, то он, наоборот, должен вести себя как ни в чем не бывало. Ну или, в крайнем случае, занервничать. А он не просто занервничал – он ударился в панику, в бег! И вот это поведение, не укладывающееся ни в какие законы логики, сейчас заботило Станислава. Бегство не пустяк. На него надо решиться, иметь серьезные основания.

В Соединенных Штатах, например, бегство автоматически считается доказательством вины. В некоторых штатах, во всяком случае, оно расценивается именно так. Или раньше расценивалось – Крячко помнил об этом со времен учебы в школе милиции, а с тех пор прошло больше четверти века. Тогда было так, а как у них там сейчас, он не интересовался. И в командировки в Штаты по обмену опытом их почему-то не посылали...

Но так или иначе, а Широков исчез. И пока что Крячко видел лишь два логических объяснения этому. Первое: Широков понял, что погорел. Что-то он знал такое, чего пока не знали ни он, Станислав Крячко, ни Лев Гуров. И решил смыться, потому что иначе ему неминуемо грозят долгие годы тюрьмы. И второе: Широков вовсе никуда не исчезал, а

поехал за город навестить любимую тетушку или друга. А возможно, собрался на прогулку в лес с девушкой.

– В ноябре, с утра пораньше... – вслух пробормотал Крячко и покачал головой.

Нет, отъезд Широкова связан с чем-то важным. И нужно это выяснять. Но куда направляться дальше в поисках, Крячко не знал. И для начала все-таки следовало посоветоваться с Гуровым.

Станислав так толком и не понял, как Гуров отреагировал на известие о поспешном отъезде Широкова, – то ли совершенно не удивился такому обстоятельству, то ли, напротив, впал в ступор, но попросил Крячко подождать. А когда перезвонил, то Станислав услышал короткое распоряжение: заняться чем-то еще, хотя бы взять в разработку друзей Умецкой, а Широкова оставить в покое. Пожав плечами, Станислав вразвалочку пошел к машине.

* * *

После планерки Гуров все же отправился в «Идеал», хотя общаться ему там было особо не с кем. С Гришаевой он уже беседовал, с уборщицей тоже. Все интересующие его персонажи – Широков, Полищук и Шестакова – должны были появиться вечером. Так же, как и люди, посещающие занятия. Пока он не спеша катил в своем автомобиле по утреннему шоссе, покрытому слоем инея – за ночь резко похолодало,

и дождь сменился снегом, – запищал сотовый тклкфон. Звонили из управления.

– Лев Иванович, тут на ваше имя распечатка пришла, – прозвучал голос дежурного. – Так как вас на планерке не было, я решил позвонить – вдруг что-то срочное?

– Что за распечатка? – не понял Гуров.

– Распечатка звонков с номера... – возникла пауза, дежурный, видно, заглянул в листок, – с номера Гришаевой Эммы Эдуардовны. Вам зачитать или пусть лежит до вашего приезда?

– Читай, – сказал Гуров.

– Вы интересовались номером, с которого позвонили вчера в четырнадцать сорок пять. Так вот, это номер автосервиса на Ярославке. По остальным номерам у меня сведений нет. Их в распечатку не включили, сказали, что направят вам лично.

– Хорошо, Паша, спасибо, – ответил Гуров и разъединил связь.

С минуту он сидел, глядя на образовавшуюся на светофоре пробку, а потом, когда протиснулся через нее, повернул направо вместо того, чтобы ехать к фитнес-центру. Сейчас он решил наведаться в автосервис.

Автомеханик, встретивший его, косо посмотрел на удостоверение полковника и молча стал ждать его вопросов.

– У вас есть такая клиентка – Гришаева Эмма Эдуардовна? – начал тот.

– Думаете, я их всех вот так помню? В журнале надо посмотреть, – пожал плечами механик. – Машина какая?

Гуров назвал модель автомобиля Гришаевой, и это освежило память механика куда лучше, чем ее паспортные данные.

– А-а-а, эта! Вчера вечером она свою машину забрала, – сразу же сказал он. – А что такое? Чем-то недовольна? Зря. Ей все на совесть делали. Я лично в автомобиле ковырялся.

– Простите, а когда она вам его привезла? И что было с машиной?

Автомеханик почесал небритый подбородок.

– Привезла дня три назад, – наконец сказал он. – В журнале можно уточнить, если вам надо.

– Очень надо, – заверил мужчину Гуров.

Механик вновь пожал плечами и вразвалочку пошел к дверям автосервиса. Когда он достал из ящика стола журнал, Гуров протянул руку и сказал:

– Разрешите, я сам посмотрю.

Эмма Эдуардовна сдала свою машину в ремонт шестнадцатого ноября в тринадцать сорок, а получила обратно восемнадцатого в семнадцать пятьдесят. И это означало, что вечером семнадцатого, накануне убийства Ирины Умецкой, она не могла на ней уехать домой после работы. А она уверяла Гурова, что все было именно так... Но для чего ей было его обманывать именно в этом вопросе? Ну, сдала машину в ремонт – ну и что?

Гуров, недоумевая, пожал плечами. Ответа на этот элементарный, казалось бы, вопрос, он не находил. Так поступают в случаях, когда хотят скрыть, где находились на самом деле. Что, Гришаева осталась в фитнес-центре? Но уборщица уверяет, что она покинула его после одиннадцати.

– А что было с машиной? – обратился он к автомеханику.

– Стартер полетел, – ответил тот. – Да неудачно очень. Все шестеренки стерлись. Пришлось менять.

– А она была одна, когда привезла вам машину?

– Одна. Я сам у нее заказ принимал. Глянул и сразу увидел, что пятью минутами не отделаешься, поэтому на себя заказ и оформил. Помощник у меня молодой еще, неопытный, не стал я ему такое дело доверять. Да и бабенка показалась мне крутой. В плане характера, я имею в виду, – пояснил он. – С такой свяжешься – всю душу вымотает. Поэтому лучше все делать так, чтобы комар носу не подточил.

Разговор с механиком дал новый импульс, и Гуров ехал в «Идеал» в приподнятом настроении. Теперь, когда показания Гришаевой приняли столь неожиданный оборот, ему было о чем с ней пообщаться.

Однако неожиданности, связанные с фитнес-центром, на этом не закончились. Едва Гуров поднялся к кабинет Гришаевой, он увидел там не Эмму Эдуардовну, а уборщицу Анастасию Николаевну Борзину. Ничего особо выдающегося в этом факте не было, вот только Анастасия Николаевна не сновала по кабинету с тряпкой. Она вообще сидела за сто-

лом, который находился в узком коридорчике перед кабинетом директрисы.

– Эмма Эдуардовна сейчас подойдет, – кивнула она Гурову.

Полковник обратил внимание, что одета Анастасия Николаевна не в униформу, а в деловой костюм, состоящий из узкой черной юбки и строгой блузки.

– А вы что, ее замещаете? – шутливо спросил Гуров, однако получил вполне серьезный ответ:

– В определенном смысле. Я ее секретарь.

Брови Гурова от удивления приподнялись.

– Что ж, поздравляю вас с быстрым карьерным ростом, – с улыбкой сказал он и добавил: – Я бы даже сказал – стремительным...

Больше пообщаться ему с Борзиной не удалось: распахнулась дверь, и в коридорчик, исполняющий роль приемной, энергичной походкой вошла Гришаева.

– Звонили из рекламного отдела, Эмма Эдуардовна, – своим ровным, лишенным интонаций голосом проинформировала Борзина. – Сказали, что ролик почти готов, но им нужно снять еще нескольких наших тренеров. Просили прислать двоих мужчин.

– Да? Хорошо, пришлю, – скороговоркой ответила Эмма Эдуардовна, быстро направляясь к своему кабинету и берясь за ручку двери, но Анастасия Николаевна добавила ей в спину:

– Они просили срочно.

Гришаева крутанулась, сверкнула на Борзину своими большими черными глазами и с нажимом произнесла:

– Я поняла!

– Извините, Эмма Эдуардовна, я для вас стараюсь, – спокойно сказала Борзина.

Гришаева толкнула дверь и, повернувшись к Гурову, спросила:

– Вы опять ко мне?

– Если позволите, – склонил тот голову.

– Можно подумать, у меня есть право не позволить! – дернула плечом Гришаева.

Гуров прошел за ней в кабинет. Директриса плюхнулась в свое кресло и уставилась в стену. Руки ее слегка подрагивали, и было очевидно, что она на взводе. Бесцельно переложив с места на место какие-то бумаги, она обратилась к полковнику:

– Так что вы хотели? У меня очень много дел.

– Да, я смотрю, вы даже наняли себе помощницу, – Гуров кивнул в сторону коридорчика, где сидела Борзина. – Анастасия Николаевна у вас теперь секретарь?

– Что? Да... Я поняла, что одна не справляюсь. А Анастасия Николаевна человек аккуратный и исполнительный.

– Вам виднее, – кивнул Гуров. – А спросить я вас хотел вот о чем...

Он не успел задать Гришаевой вопрос насчет ее автомо-

бия, потому что его отвлек телефонный звонок. Ответив, Гуров услышал голос Крячко, который сообщал, что Константин Широков убыл сегодня рано утром в неизвестном направлении со спортивной сумкой через плечо.

Гуров попросил Крячко подождать и посмотрел на Гришаеву.

– Эмма Эдуардовна, а где ваш тренер Константин Широков? – спросил он.

– Костя? – Гришаева, кажется, ожидала какого угодно вопроса, только не этого, и, оказавшись не готовой к нему, ответила не задумываясь, а посему это оказалось чистой правдой: – Он позвонил и сказал, что приболел, так что сегодня не сможет выйти на работу.

– Вот как? – поднял брови Гуров. – А чем приболел?

– Господи, откуда я знаю! – Гришаева раздраженно пожала плечами. – Гриппом, наверное! Сейчас вообще эпидемия, впору закрываться на карантин!

Подобная перспектива совсем не радовала директрису центра и вносила в ее и без того мрачное настроение дополнительную порцию негатива. Гуров видел, что она с трудом терпит его присутствие.

– Так вы об этом хотели у меня спросить? О Широкове? – уточнила Гришаева. – Или еще что-то?

– Нет, ничего, Эмма Эдуардовна, – поднимаясь, ответил Гуров. – Пустяки. Думаю, действительно не стоит вас отвлекать. Я приеду вечером, надеюсь, остальные ваши сотрудни-

ки не свалятся от приступа болезни. А то грипп, знаете ли, свирепствует...

И, оставив Гришаеву пребывать в недоумении, вышел из кабинета. Он понял, что сейчас нет смысла разговаривать с ней. Кое-какие обстоятельства, всплывшие в этом деле, говорили о том, что у него мало информации. И проводить беседу с Гришаевой – а проводить ее нужно обязательно, и он не собирался от этого отказываться – следует чуть позже, когда у Гурова на руках будут козыри. Сейчас фактов пока маловато, она не скажет правды. Нужно сделать такой ход, чтобы ей некуда было деваться. И Гуров поехал назад в управление. Поднявшись к себе, он набрал номер и попросил выяснить данные на Анастасию Николаевну Борзину...

Он получил их довольно скоро, и просмотр не занял много времени. Прочитав полученные бумаги, Гуров откинулся на стуле, некоторое время посидел с закрытыми глазами, а потом посмотрел на часы. Для повторной поездки в фитнес-центр было рано. Крячко, отправившийся заниматься окружением Ирины Умецкой, отсутствовал, и звонка от него не поступало. Гуров поднялся со стула, надел плащ и вышел из кабинета.

Полковник остановил машину у обочины и выбрался на улицу. Дождя не было, и небо просветлело. Оно было с едва заметной голубизной, и Гуров знал, что это предвестие скорых морозов...

Территория лицея была обнесена красивой кованой огра-

дой. Ворота оказались приоткрыты, и Гуров вошел во двор. Миновав спортивную площадку, он подошел к главному входу и сразу же был остановлен охранником в униформе. Гуров спокойно предъявил свое удостоверение и сообщил, что хотел бы побеседовать с директором лица Тамарой Валентиновной Горецкой. Охранник нахмурился, однако набрал номер на сотовом телефоне. Коротко переговорив с Горецкой и получив, видимо, добро с ее стороны, охранник посторонился, пропуская полковника.

– Второй этаж, кабинет налево, в середине коридора, – сказал он.

Гуров кивком поблагодарил его и поднялся по витой лестнице на второй этаж. Тамаре Валентиновне было лет под пятьдесят. Моложавая, с модной стрижкой женщина в брючном костюме смотрела на него сквозь очки живыми серыми глазами. Гуров, почему-то ожидавший увидеть даму преклонных лет, несколько удивился, однако спокойно представился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.